

**ЗАВЕЩАНИЕ
СТАРОГО**

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

ВОРА

Евгений Сухов
Завещание старого вора
Серия «Тревожная весна 45-
го. Послевоенный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51807142
Завещание старого вора / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-107960-4

Аннотация

В конце войны в своей московской квартире зверски убит адвокат Глеб Серебряков. Квартира ограблена. Следователь МУРа Ефим Бережной уверен, что злоумышленники искали что-то конкретное: на теле адвоката остались следы пыток. Бандиты оставили на месте преступления свои «визитки» – два карточных туза. Точно такие же метки оставляла после себя особо опасная банда, которая грабила и убивала людей еще до войны. Бережной поднимает старые дела и устанавливает, что во время задержания тех, довоенных, налетчиков бесследно пропала часть драгоценностей, которые сыскари использовали в качестве наживки, и что Серебряков играл не последнюю роль в том деле. Что, если смерть адвоката – это отголосок той темной и запутанной истории?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	45
Глава 4	53
Глава 5	74
Часть вторая	84
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Евгений Сухов

Завещание старого вора

Часть первая

Дело адвоката Серебрякова

Глава 1

Дурное предчувствие

13 июля 1944 года

Через маскировочные занавески в квартиру просачивался блеклый вечерний свет, погружающий ее в полумрак. Адвокат Глеб Серебряков сидел за письменным столом и потягивал из пузатой низенькой рюмки темно-коричневый душистый армянский коньяк двадцатипятилетней выдержки.

Жена его находилась в соседней комнате и слушала пластинку с чарующим, удивительно красивым голосом Варвары Паниной. Говорят, что сам Федор Шляпин приходил послушать цыганку Варю. Ее голос с широким диапазоном бархатного низкого звучания буквально завораживал. Если его сравнивать с каким-то инструментом, то более всего он походил на виолончель, созданную талантливым итальянским

мастером. Знающие люди утверждали, что у певицы была особая манера исполнения, сдержанная и в то же время невероятно сердечная.

Адвокат Глеб Сергеевич Серебряков невольно вслушался в колдовское звучание, доносившееся из приоткрытой двери. Ему вообще нравились женские певческие голоса, особенно те, которые звучали на закате Российской империи. Они, вне всякого сомнения, входили в золотой музыкальный фонд.

В его обширной коллекции была представлена Надежда Плевицкая, одна из самых востребованных певиц начала двадцатого века. Слава ее была потрясающей. Сам Николай Второй называл ее «курским соловьем» и нередко приглашал на ужин во дворец. И было за что! Одна только «Лучинушка» в ее исполнении пробирала до дрожи. А русских народных песен в ее репертуаре насчитывалось десятки.

Но более всего адвокату Серебрякову нравилась Анастасия Дмитриевна Вяльцева. Ее уникальный по красоте голос просто не знал равных. Без всякого преувеличения можно было сказать, что в обществе ее боготворили. В течение короткого времени из простой статистки в балетной группе она превратилась в одну из самых известных и богатейших женщин Российской империи. Ее ранняя кончина воспринималась страной едва ли не как личное горе.

В зависимости от настроения Глеб Сергеевич слушал тех или иных исполнительниц. Когда он пребывал в хорошем

расположении духа, ему более всего подходило пение Варвары Паниной. Если в душу закрадывалась меланхоличность, то наступало время Анастасии Вяльцевой, способной своим экспрессивным тембром ввести в самый настоящий транс. А уж если сердце разрывалось от минорных нот, то наступала очередь «Лучинушки» в исполнении несравненной Надежды Васильевны Плевицкой.

Сейчас душу его царапала скверна, и ему хотелось умерить нарастающее уныние именно ее пением, но жена, переодеваясь для выхода в Большой театр, продолжала наслаждаться голосом Варвары Паниной, меняя одну пластинку на другую.

Глеб Серебряков был завзятым ценителем голосов начала двадцатого века. Он неустанно собирал пластинки, отдавал за них порой значительные суммы. Некоторые из этих приобретений были весьма редкостными, выпускались ограниченным числом и лишь для царской фамилии. Раритеты выменивались или покупались у таких же коллекционеров, как он сам. Иногда Серебряков отдавал за них нечто значимое из собственной коллекции. Так, например, за последнюю запись Изабеллы Кремер Глеб Сергеевич не пожалел трех пластинок Федора Шаляпина разных годов.

Бывало, что пополнить коллекцию ему помогал случай. Неделю назад он купил на Тишинском рынке граммофонные малотиражные пластинки Михаила Вавича «Грусть и тоска безысходная» и Юрия Морфесси «Маруся отравилась». Це-

на за них была чисто символической – две буханки хлеба и бутылка подсолнечного масла. Продавцом оказался старик лет семидесяти пяти, прекрасно разбиравшийся в музыке. Среди людского многоцветья, с вызывающей красной бабочкой на тощей шее, он казался декоративным цветком, правда изрядно увядшим.

Прежде чем отдать покупателю пластинки, старик успел рассказать ему немало интересного из жизни этих исполнителей. Оказалось, что Михаил Вавич, эмигрировавший в Америку, снимался в голливудских фильмах и умер в сорок девять лет от сердечного приступа прямо за рулем своего автомобиля. А Юрий Морфесси, осевший в Югославии, вступил там в артистическую бригаду Русского охранного корпуса, созданного белогвардейскими эмигрантами, служившими фашистам. Он ездил в Берлин и давал там концерты. Его пластинки до сих пор находились под запретом, так что старик здорово рисковал, продавая их в открытую на рынке.

Глеб Сергеевич допил коньяк, закурил сигарету, откинулся на спинку стула и пустил узкую быструю струйку дыма под хрустальную люстру. В какой-то момент он хотел попросить жену, чтобы она все-таки поставила Плевицкую, но тотчас передумал, решил, что не стоит досаждать ей минорными аккордами. Лариса пребывала в хорошем настроении, что следовало ценить, и испытывала приятное чувство от предстоящего посещения Большого театра. В этот раз там шла опера «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно.

Причиной скверного расположения духа Глеба Сергеевича стали некоторые неприятности на работе. Пошел уже седьмой год, как он служил адвокатом, причем вполне успешно. Серебряков обзавелся солидной клиентурой, заполучил материальный достаток, заслужил уважение. Но вот последние несколько месяцев обстоятельства складывались против него. Формально коллегия защитников являлась самостоятельным органом, но в действительности ее деятельность едва ли не всецело зависела от прокуратуры, которая беспрестанно вмешивалась в работу адвокатов.

Взять хотя бы два последних дела. Первое из них о краже в магазине. Казалось бы, рядовое преступление, какие в Москве совершаются каждый день, но неожиданно по указу «О военном положении» дело было передано на рассмотрение военного трибунала. Как выяснилось немного позже, подзащитный Глеба Сергеевича полгода назад совершил преступление против социалистической собственности: ограбил склад с продовольствием. Дело принимало весьма серьезный оборот, и повлиять на решение суда было невозможно.

Один из приятелей подзащитного подошел к нему сразу после заседания суда и, перекладывая языком папирсину из одного уголка рта в другой, выдал невыразительным и холодным тоном:

– Ты хрусты получил? Сумма хорошая? Доволен остался? Вот теперь и отработывай их!

Серебряков выдержал тяжеловатый взгляд вора и ответил столь же спокойно, хотя и осознавал, что ему не удастся укрыться от мщения даже за толстыми дверями собственной квартиры:

– В том, что произошло, он сам виноват. Я с ним довольно откровенно разговаривал. Мой подзащитный уверял меня в том, что за ним нет более страшного греха, чем кошелек с мелочью, украденный у старой бабки. Если бы я раньше узнал о том, что он склад с хлебом ограбил, то мог бы построить другую линию защиты.

Дело его клиента будет решаться в ближайшие часы без всякой защиты. Если он отделается длительным сроком, то можно будет посчитать, что ему невероятно повезло.

– Мы могли бы добиваться защиты по требованию судов. Там свой порядок выделения адвокатов, в том числе по делам, рассматриваемым военными трибуналами, – горячо проговорил Серебряков.

– А сейчас нельзя, что ли? – спросил вор.

Он мог бы вытащить окурок изо рта и аккуратно откинуть его в сторону. Со стороны данного типа это выглядело бы весьма уважительно по отношению к собеседнику. Но уголовник намеренно сцедил его с губ, давая понять, что спрос с адвоката будет большой.

По спине Глеба Сергеевича пробежал неприятный холодок. Он выдержал паузу, давая понять, что ему не все нравится в этом разговоре. На губах блатного промелькнула ед-

ва заметная усмешка. Они понимали друг друга без слов, может быть, потому, что слеплены были из одного теста, вот только играли за разные команды.

– Вот что я тебе скажу. Я не умею бодаться с государственной машиной. Ты не хуже меня знаешь, что у судей всегда на руках главные козыри. Можно было бы попробовать сыграть против государства похитрее и потоньше. Но сейчас момент безнадежно упущен. Я, конечно, буду делать все, что от меня зависит, но обещать положительный результат не рискну, – проговорил Серебряков ледяным тоном.

За себя Глеб Сергеевич не беспокоился. Ему и не с такими вещами приходилось сталкиваться. Он знал, что уголовники его не тронут. Таков неписаный свод воровских правил. Но вот за жену Глеб Сергеевич переживал всерьез. Уголовники могли наказать ее из-за его несговорчивости.

На теперешнюю свою должность Глеб Серебряков попал не сразу. Сначала он отработал положенные три года в Московском уголовном розыске, а потом перешел в коллегия адвокатов. Уголовный мир и своих будущих клиентов он представлял хорошо. Они знали его прежнюю репутацию и не особенно сторонились состоявшегося адвоката. Так что клиентуру он расширил быстро.

За годы оперативной работы в нем обострились чувства, несвойственные обычному человеку, например ощущение опасности. При разговоре с клиентом Глеб Сергеевич отчетливо представлял, что следует от него ожидать. Собесед-

ник мог пребывать в хорошем расположении духа, смотреть на адвоката с безмятежным лицом ангела и источать любезность. Но Серебряков всегда знал, в каком кармане у него находится заточка и в какой именно момент тот рассчитывает нанести смертельный удар. Интуиция дважды спасла ему жизнь.

Еще Глеб Серебряков научился чувствовать слезку. Между лопатками у него начинался зуд. Далее следовало незаметно обернуться и утвердиться в собственных опасениях. Они его не обманули ни разу.

Вчера вечером на улице он почувствовал некую тревогу, на первый взгляд вроде бы необъяснимую. Глеб Сергеевич прекрасно осознавал, что она не возникает из ниоткуда. Его глаза уже зафиксировали скрытую опасность и передали сообщение в мозг, который, в свою очередь, мгновенно среагировал на внешнюю угрозу. У него зачесалась спина.

Серебряков украдкой обернулся и увидел в тридцати шагах от себя человека, стоявшего подле придорожной липы и пристально смотревшего в другую сторону. По тротуару проходили люди, парами, переговариваясь между собой, в одиночестве, а то и плотными группами. Они даже не смотрели в его сторону.

Человек, стоявший у липы, совершенно не вписывался в толпу, был чужеродным элементом, не подчинялся ей и как бы существовал по собственным законам. Его вообще не интересовало окружающее пространство, хотя он старательно

делал вид, что это не так. Вот сейчас пропустит дребезжащий грузовик и перейдет через дорогу.

Этот субъект был одет в серый шерстяной костюм в белую тонкую полоску, брюки опущены поверх сапог, смятых в гармошку. Типичный уголовный типаж, у которого водятся приличные деньжата. Таких персонажей сейчас в городе было немало.

Глеб Серебряков слепил озабоченное лицо и потопал дальше. Пусть этот фрукт укрепитесь во мнении, что его не раскрыли.

Оставалось загадкой, кто именно за ним следил: уголовный розыск или какой-то фраер, нанятый местными бандитами. Поразмыслив, Серебряков решил, что это кто-то из местной шпаны. Уголовный розыск будет действовать тоньше, не станет столь назойливо дышать в затылок.

Лариса весьма успешно подпевала Варваре Паниной, совершенно не подозревая о его внутренних резонансных вибрациях.

Кому он мог помешать? Вроде бы в последнее время у него не было каких-то серьезных дел, которые могли бы перерасти в крутые неприятности.

Была у Глеба Сергеевича и еще одна причина для беспокойства, могущая весьма болезненно ударить по размеренной семейной жизни, – домработница Дарья, с которой у него образовались весьма сложные взаимоотношения. С этим тоже следовало что-то делать. Жена о его тайной при-

вязанности пока не догадывалась, иначе учинила бы грандиозный скандал. Она просто собрала бы свои вещи и съехала бы к матушке. А женой Глеб Сергеевич дорожил. Все-таки десять лет брака просто так из жизни не вычеркнешь.

Дверь широко распахнулась. Вместе с усиливающимся голосом Варвары Паниной в зал стремительно вошла жена в темно-зеленом приталенном платье с широким поясом и в черных туфлях на высоком каблуке. На воротнике красивая гранатовая брошь, каштановые волосы собраны в высокую копну.

Она ослепительно улыбнулась, показав ровные перламутровые зубы, и осведомилась:

– Как я тебе?

– У меня нет слов! Очаровательна, как всегда. Другой ты просто быть не можешь.

– Значит, ты одобряешь мой выбор? А то я даже не знаю, какое платье надеть.

– Очень хорошо, когда есть из чего выбирать. Сегодня в театре ты всех сразишь своим нарядом.

– Ты у меня такой милый, – сказала жена, наклонилась и поцеловала мужа в щеку, окатив тонким ароматом духов. – Это ведь все благодаря тебе. А ты чего не собираешься?

– Все думаю, какой мне повязать галстук, – улыбнувшись, отвечал Глеб Сергеевич.

Лариса отнеслась к такому объяснению со всей серьезностью, призадумалась на секунду и произнесла:

– Может, темно-синий в белый горошек? Он очень тебе идет.

– Ты находишь? – удивленно протянул Глеб Сергеевич. – Мне казалось, что он меня как-то старит.

– Скажешь тоже! Это в твои-то годы! Ты еще лет двадцать можешь ни о чем не волноваться. У тебя даже морщин нет! А из обуви что?.. Может, черные ботинки?

– Они мне немного натирают. Лучше коричневые. Они как-то поторжественнее будут. Все-таки в Большой театр идем. А помнишь, двадцать второго июня сорок первого мы пошли туда? Тогда там как раз была премьера оперы «Ромео и Джульетта». Больше она в Большом и не шла. Сегодня второе представление за всю войну.

– Помню, конечно. Вот только никто из нас тогда не думал, что война будет такой долгой.

В гостиную из кухни неслышно вошла Дарья, милое расторопное существо, помогавшее жене по хозяйству.

– Глеб Сергеевич, я у вас отпрашивалась позавчера. Вы мне сказали, что отпустите меня сегодня пораньше. Рождественница приезжает. Ее нужно встретить и...

– Помню, не забыл, – перебил девушку Серебряков.

Не самое хорошее время, чтобы отпускать домработницу, оставлять квартиру без присмотра. По Москве прокатилась череда краж, бóльшая часть из которых так и осталась нераскрытыми. В уголовном розыске существовало предположение, что в столице действовали несколько банд гастролеров.

Однако тактика у них у всех была одна. Грабнули богатую хату, тотчас съехали из города и возвратились, когда закончились деньги.

Но Глеб Серебряков, опираясь на свой прежний опыт сыскаря, видел эту проблему иначе. Он считал, что в городе орудовала какая-то крепкая и очень сплоченная банда, имевшая хитрого и весьма умного главаря. Свидетелей ограблений не наблюдалось, следов на месте преступления тоже не оставалось. Уголовники работали чисто, тщательно подбирали адреса, прекрасно знали расписание домочадцев, заявлялись на квартиры только тогда, когда в них никого не было, и взламывали замки.

Специализация «домушник» в уголовной среде являлась весьма уважаемой. Она требовала от человека большой подготовки и готовности идти на крайний риск. А там, где адреналин зашкаливает, нередко случаются и особо тяжкие преступления. Однако пока как-то все обходилось. Банда на убийство не шла. Но это был только вопрос времени.

Было бы правильнее, если бы Дарья все-таки этим вечером осталась дома, но ее просьба оказалась столь настойчивой, что Глеб Сергеевич вынужден был согласиться. Да и как же можно отказать таким выразительным глазищам?

– Иди, Даша. Мы же договорились.

– Ой, спасибо большое, Глеб Сергеевич! – с радостью произнесла девушка.

– Только не забывай, в девять часов утра ты должна быть

здесь, – напомнила ей Лариса Васильевна. – Нужно будет сделать генеральную уборку, вымыть стекла. Мы хотели бы пригласить друзей.

– Да, конечно, – с некоторой обидой в голосе произнесла домработница. – Я даже раньше подойду.

– А вот раньше не нужно, – с улыбкой проговорил Серебряков. – Ведь утренний сон самый сладкий.

Дарья надела туфельки, подхватила с вешалки брезентовую сумку, попрощалась, выскочила за порог и неслышно прикрыла за собой дверь.

Гнетущее настроение адвоката усиливалось. Откуда оно взялась? Давило, накатывало, перехватывало дыхание, буквально держало за глотку. Просто так эта заноза не проходит. Такому чувству есть какое-то объяснение. Осталось только найти его.

Серебряков поднялся и подошел к окну. С третьего этажа хорошо просматривался пустынный, заросший старыми липами двор. Большинство людей сейчас находилось на работе. Старики сидели по домам. Двор пересекла женщина лет семидесяти с небольшой сумкой в правой руке. Она приостановилась, перевела дыхание, переложила ношу в другую руку, слегка сгорбилась и потопала дальше.

Неожиданно в дверь кто-то позвонил.

Тревога Глеба Сергеевича усилилась.

«Кто же это может быть? Ведь никого не ждем».

– Глеб, открой, пожалуйста. Это Маришка из сорок пер-

вой квартиры пришла. Я ей вчера туфли отдавала. Она на концерт с мужем ходила. Сказала, что принесет перед нашим уходом. Может, я их надену. Они как-то понаряднее будут.

– Ну как знаешь, – буркнул Серебряков и пошел открывать дверь.

Глава 2

Убийство на Ямской

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска майор Бережной Ефим Григорьевич пришел со службы около двенадцати часов ночи. Выглядел он усталым, озабоченным, был задавлен невеселыми мыслями, неразговорчив. Ефим едва поздоровался с женой, выскочившей навстречу, и отправился в ванную комнату. Там он долго мыл руки, потом ополоснул холодной водой лицо, несколько посвежел и прошел в комнату.

– Где Люся? – спросил Бережной, устраиваясь за столом.

– У нее сегодня была вторая смена, потом ее на какие-то курсы от завода отправили. Предупредила, что будет ночевать у подруги.

– Почему она не сказала об этом мне? – Бережной нахмурился. – Или мое слово уже ничего не значит?

– Ты был на работе, – попыталась успокоить мужа Прасковья.

– Могла хотя бы позвонить.

– Ефим...

– Что? – удивленно посмотрел Бережной на жену.

– Она хотела с тобой поговорить.

– О чем?

– Я не знаю. Она тебе сама все скажет.

На столе уже стоял разогретый куриный суп, на небольшой тарелке лежали два куска ржаного хлеба. Ефим Григорьевич вдохнул аромат супа и взял ложку.

Прасковья, выучившая мужа за двадцать лет совместной жизни едва ли не назубок, не приставала к нему с расспросами. Она сидела в сторонке и, подперев аккуратную ухоженную голову кулачком, наблюдала за тем, как тот неторопливо, продувая каждую ложку горячего супа, ужинал.

Ефим буквально размякал и добрел с каждой порцией проглоченного варева. Прасковья видела, как уходили переживания этого дня. Ее муж понемногу становился прежним, каковым она его полюбила.

Ефим Бережной посмотрел на жену, сидевшую рядом, попытался улыбнуться. Однако получилось это у него как-то очень тускло, под стать вечерней усталости.

Весь прошедший день он вместе со своими подчиненными проверял жилой фонд. Большинство граждан работало сейчас по двенадцать часов в сутки, так что значительная часть жилья на долгое время оставалась без надзора. Преступники чувствовали себя в опустевших домах весьма вольготно. Квартирные кражи выходили на первое место среди всех уголовных преступлений.

Сегодня милиционеры целый день занимались осмотром домов. Уже в первой многоэтажке они обнаружили шесть ограбленных квартир. Преступники действовали безо всяких затей, были уверены в своей безнаказанности. Коротки-

ми ломиками, называемыми в народе фомками, они взламывали входные двери, проникали в жилище, забирали деньги, драгоценности, одежду и обувь, все, что можно было быстро продать на рынке, и тотчас уходили.

Нельзя сказать, что такие рейды были чем-то особенным. Милиция практиковала их все время, вот только в последние месяцы ограбленного жилья становилось все больше. Особенно доставалось квартирам граждан, призванных в Красную армию. Они буквально годами стояли безо всякого присмотра и находились на особом счету у преступников.

Однако сегодняшний день морально был особенно тяжел. Бандиты ограбили квартиру Олега Харитонова, его одноклассника, воевавшего сейчас на Первом Украинском фронте. До войны Ефим Григорьевич не однажды бывал в этой квартире, прекрасно был знаком с его отцом Федором Евграфовичем, профессором, доктором географических наук, и с матерью Лидией Ивановной, известным искусствоведом. Она скончалась в самом начале войны.

Олег был поздним ребенком, он появился на свет, когда обоим его родителям было далеко за сорок. По просьбе своего друга майор Бережной не однажды навещал престарелого профессора и, как уж мог, старался облегчить его судьбу. Последний раз он был у Федора Евграфовича с месяц назад, застал его вполне деятельным, бодрым, выпил вместе с ним крепкого чая с печеньем и вернулся в отдел. После этого Бережной несколько раз звонил старику. Голос профессора

был звонким, даже где-то боевитым, что не могло не радовать.

Так уж получилось, что последняя неделя выдалась у Ефима Григорьевича весьма напряженной. У него не было возможности навестить профессора и провести время в обстоятельном разговоре с ним. Он позвонил ему вчера в середине дня, но профессор трубку не взял. Повода для беспокойства вроде бы не было. Мало ли где тот мог находиться в обеденный час? Однако утром Бережной опять не сумел дозвониться до Федора Евграфовича. В душу его стало закрадываться беспокойство. Поэтому сегодня при плановом обходе жилых домов майор милиции решил посетить квартиру профессора.

Пятиэтажный дом Федора Евграфовича был вторым на очереди. Уже поднимаясь на лестничную площадку третьего этажа, Бережной почувствовал нечто недоброе. Сердце его стучало гулко и взволнованно. Он даже не удивился, когда подошел к двери и увидел, что она слегка приоткрыта.

Милиционеры вошли вовнутрь.

Ефим Бережной прекрасно помнил, какой квартира профессора была до войны, когда здесь хозяйничала Лидия Ивановна. С ее преждевременным уходом жилище как-то сразу поблекло и обветшало, как будто у него забрали душу. Сейчас он видел перед собой лишь осколки того прежнего великолепия, каковое его встречало здесь до войны. Громоздкий дубовый лакированный шкаф, стоявший в самом углу

комнаты, теперь выглядел архаичным и некрасивым. Хрустальная люстра, некогда несомненное украшение просторного зала, потускнела и посматривала на сотрудников милиции как-то мутно, весьма неприветливо.

Квартира была ограблена. Бережной понял это, едва перешагнув порог. В этом жилище он помнил каждую вещь. Все они годами находились на одном и том же месте: книги с цветными корешками, аккуратным рядком стоявшие на полках, фарфоровые статуэтки в шкафу со стеклянными дверцами.

Сейчас большинство вещей, которые он наблюдал прежде, исчезло. Например, пропала экзотическая маска из черного дерева, висевшая на стене у окна. По заверениям Федора Евграфовича, она обладала магическими свойствами, и получил он ее в качестве подарка во время экспедиции в Южную Африку от одного из тамошних вождей. Из шкафа грабители унесли фарфоровую посуду, а в шифоньере не стало одежды.

Майор с усиливающимся волнением прошел в смежную комнату и увидел профессора, лежащего на диване. Самое жуткое было в том, что Федор Евграфович был абсолютно голым. Его тощее длинное высохшее тело, перевернутое на бок, выглядело невероятно нескладным, даже каким-то ужасным на темно-коричневой коже старинного, еще дореволюционного дивана.

Выражение лица профессора было каким-то умиротво-

ренным, каковое бывает у людей, тихо умерших во сне. На тощем теле со сморщенной кожей ни царапины, ни синяка, ничего такого, что могло бы указывать на насилие.

Обычно дома Федор Евграфович облачался в любимый темно-красный халат с драконами, вышитыми желтой шелковой нитью. Он привез его из Тибета. Халат тоже пропал: не обнаружился ни в шкафу, ни в комнатах, ни в ванной. Скорее всего, мародеры сняли его прямо с покойника. На запястье левой руки профессора отсутствовали швейцарские часы, с которыми он практически не расставался.

Возможно, Федор Евграфович умер от нервной болезни, подломленный неожиданным уходом супруги и в переживаниях за судьбу сына. В военное время такое происходит нередко.

В квартиру вошли домушники. Они забрали все ценные вещи, каковых в квартире профессора было немало, сняли с него любимый халат и старенькие швейцарские часы, а потом, нагруженные баулами и сумками, ушли так же незаметно, как и проникли в дом.

Мародеры! По законам военного времени их следовало поставить к стенке!

Ефим Бережной с силой сжал ложку и глухо застонал.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Прасковья. – Рана беспокоит?

Пулю в плечо Бережной получил в прошлом году, во время перестрелки с бандитами, проникшими на территорию

хлебных складов. Лечение прошло без осложнений, рана затянулась, но иногда давала о себе знать ноющей болью.

Бережной посмотрел на жену, не оставлявшую без внимания ни один его чих, улыбнулся и сказал:

– Не переживай. Со мной все в порядке. Суп очень вкусный. Может быть, добавки?

– Ой, я сейчас. – Прасковья быстро поднялась. – Суп и вправду удался. Знаешь, цены опять подросли. Теперь свинина на рынке стоит триста рублей. Это где же такое видано! А ты помнишь, сколько она стоила в январе сорок первого? – Половник бойко застучал по стенкам кастрюли.

– Что-то не припоминаю, – хмуро произнес Ефим, забирая у жены тарелку горячего супа.

– Двадцать девять рублей! Может, ты хочешь сметаны?

– И сметана есть? – удивленно протянул Бережной. – Что у нас сегодня за праздник?

– Праздника нет, просто сэкономила, вот и взяла баночку.

Прасковья аккуратно положила в суп ложку сметаны и тщательно размешала.

Ефим отметил, что сметана была густой и плотной. Именно таковой потчевала его бабка в далеком детстве, когда родители оставляли сына в деревне на целое лето. Интересное было время. Где теперь вся эта ребятня, с которой он был так дружен?

– Идет война, – сдержанно заметил Ефим. – Когда все это закончится, будет лучше.

Суп был наваристый, самый настоящий, с каплями желтого куриного жира на поверхности.

Жена присела рядом и с радостью наблюдала за тем, с каким удовольствием муж хлебал этот суп.

Воспоминания вновь вернули его к прошедшему дню. Бережной должен был написать Олегу о смерти отца, и это удручало его. Ефим не знал, как облегчить участь друга, не сомневался в том, что воевать ему теперь станет тяжелее.

Этой квартирой обход не закончился. В следующих двух домах обнаружили еще четыре, откуда была вывезена вся мебель вместе с ее содержимым. Остались лишь голые стены. Хозяевами этих квартир были руководители крупных производств, эвакуированных за Урал.

По случаям ограбления были заведены уголовные дела. Оставшееся рабочее время Бережной потратил на то, чтобы связаться с хозяевами квартир и в полной мере оценить ущерб, нанесенный грабителями.

По квартире Федора Евграфовича свидетелем выступил он сам, подробно описал пропавшие вещи. Список майор велел размножить, а украденное добро искать на всех московских рынках, где оно непременно должно было всплыть.

– Может, в Большой театр пойдем?

– А что там сегодня? – несколько рассеянно спросил Бережной.

– Опера «Ромео и Джульетта».

Телефонный звонок заставил Ефима Григорьевича пре-

рвать поздний ужин.

– Бережной у аппарата, – произнес он громко, понимая, что случилось нечто важное.

– Вот что, Ефим, – услышал майор голос начальника МУ-Ра комиссара милиции третьего ранга Урусова. – Не хотелось бы сейчас тебя отрывать от семьи, знаю, что только что пришел, но сам понимаешь, работа у нас такая. На Ямской, дом номер девять, произошло убийство. Нужно немедленно выезжать! Оперативная группа уже там, ты ее возглавишь.

– Есть возглавить, товарищ комиссар милиции третьего ранга!

– Дело с самого начала видится непростым. Убит адвокат Серебряков.

– Серебряков Глеб Сергеевич? – уточнил Бережной.

– Он самый. Вот до чего дошло. Уголовники даже адвокатов не щадят. Так что будь готов к самым большим неожиданностям. Действуй!

– Выезжаю, товарищ комиссар третьего ранга! – Ефим положил трубку и сказал жене: – Звонил Урусов, нужно ехать. Было очень вкусно. Суп и в самом деле великолепный!

– Но ты же не доел. А потом я достала свиные ножки, приготовила холодец, думала, что ты попробуешь.

– Чего же ты раньше-то не сказала? – шутя посетовал Бережной. – Я бы с него и начал.

– Ну вот!.. – не на шутку расстроилась супруга.

– Вернусь, обязательно попробую, – пообещал Ефим, под-

хватил с вешалки пиджак и вышел на лестничную площадку.

Через полчаса майор Бережной подошел к месту происшествия. Его встретил дремучий пустынный темный двор, заросший густыми высокими акациями. Лишь на лавочке в самом углу подле забора, подсвеченного матовым лунным светом, сидели двое мужчин и курили. Рассмотреть их лица в темноте не представлялось возможным, разговоров тоже не было слышно. Зато в ночи были отчетливо различимы крошечные фитильки горящего табака, яростно вспыхивающего во время глубокой затяжки.

У входа в подъезд, где произошло убийство, дежурил сержант милиции. Он узнал майора Бережного, уважительно отдал честь и отошел в сторону, пропуская его в подъезд.

– В какой квартире убийство?

– В тридцать седьмой, товарищ майор.

Бережной поднялся по широкой лестнице и вошел в квартиру, где уже работали оперативники. Эксперт-криминалист капитан Гараев рассматривал нечеткие следы обуви. Из соседней комнаты, где работал фотограф, через настежь распахнутую дверь на паркетный пол падали яркие блики вспышки.

Капитан Полуянов увидел Бережного, подошел к нему и сообщил:

– Двойное убийство, товарищ майор, – муж и жена Серебряковы. Предположительно это произошло четыре часа на-

зад. Предварительная версия – ограбление.

– Еще что-нибудь выяснили?

– Преступники пытали своих жертв. Очень жестоко. Скорее всего, хотели узнать, где те прячут драгоценности.

– Та-ак... Это что-то новенькое. Обычно домушники не зверствуют.

Майор Бережной поздоровался с капитаном Гараевым, пересек зал и подошел к столу, рядом с которым сидел на стуле задушенный хозяин квартиры, адвокат Глеб Серебряков. Руки его были связаны за спиной.

Вот уж кого Ефим никак не ожидал увидеть в качестве жертвы. Ухоженный, всегда в дорогом костюме, он буквально излучал благополучие. При встрече с этим человеком у Бережного всякий раз невольно создавалось ощущение, что брызги от его успехов оставляют следы на одежде всех тех, кто стоял с ним рядом.

Таких удачливых людей немного, они видны издали, как маяки, и уж совсем сложно представить их убитыми в собственной квартире. Его тонкое лицо с правильными чертами было разбито, на нем буквально не было ни одного живого места. На шее затянута удавка, отчего лицо стало багровым, а вспухший страшно глаз вываливался наружу.

Запоминающаяся картина. Из тех самых, что могут появиться только в кошмарных снах.

Ясно было, что преступники изуверски пытали адвоката перед смертью. Они кололи его чем-то острым, скорее все-

го, ножом, прижигали лицо папиросами, пытались выведать, где находятся тайники с драгоценностями. Судя по паркету, разобранному в углу комнаты, им удалось добиться своего. В сторонке лежал лист фанеры, который, по всей видимости, прикрывал тайник, а сам он, аккуратно обшитый тонкой рейкой, пустовал. На полу не было ни случайно оброненной монеты, ни купюры, ни клочка бумаги – ровным счетом ничего такого, что могло бы указать на содержимое тайника.

На столе лежали два туза: бубновый и пиковый. Что же это могло значить?

Внимательнейшим образом осмотрев зал, майор Бережной прошел в соседнюю комнату. Там на полу лежала молодая женщина в узком платье, задранном под самую грудь. Ноги ее были раздвинуты, лицо перекошено от ужаса, глаза открыты и неестественно выпучены. Хозяйка квартиры Серебрякова Лариса Васильевна тоже была задушена. На лице ее четко проступали следы побоев. На голых ногах, белых как мрамор, запеклась кровь, вытекшая из порезов, темнели пятна от недавних ожогов. Перед смертью женщину изнасиловали.

Фотограф едва кивнул майору и вновь углубился в работу. Он делал снимки с разных ракурсов, запечатлевал неприглядную позу мертвой женщины.

Майор Бережной повернулся к капитану Полуянову, и Бережной негромко спросил:

– У соседей взяли показания?

– Допрашиваем, товарищ майор. Этим сейчас занимаются лейтенант Трубачев и старший лейтенант Кондрашов.

– Что сказали соседи?

– Они говорили, что поздним вечером в квартире громко играл патефон. Вот из-за музыки и криков никто не слышал. Но Серебряковы частенько слушали пластинки, так что ничего необычного в этом не было. Где-то около десяти часов вечера патефон умолк.

– Понятно, – безрадостно протянул Бережной и осведомился: – А почему они так хорошо одеты? Серебряков в костюме, а его жена в нарядном платье? Они куда-то собирались?

– В сумочке у женщины мы нашли два билета в Большой театр. Событие в Москве большое. Около года назад труппа вернулась из эвакуации. Билеты на спектакли пользуются большим спросом.

– Я в курсе, – безрадостно проговорил майор. – Прошлым вечером там шла опера «Ромео и Джульетта».

– Так точно! А месяц назад состоялась премьера оперы «Евгений Онегин», где партию Ленского исполняет Иван Козловский. Сам товарищ Сталин на нее приходил. Через две недели обещают спектакль «Иван Сусанин».

– Я смотрю, ты большой театрал.

Капитан Полуянов смущенно улыбнулся и пояснил:

– Жена у меня в театры любит ходить, а я при ней.

Фотограф закончил снимать убитую хозяйку квартиры и

принялся фиксировать вещи, валявшиеся на полу. Там были меховая шапка, вечернее платье, синяя шерстяная кофта. Каждая из них, казалось бы, должна была вызвать у домушников немалый интерес. Ее можно было хорошо продать на Тишинском рынке, где уголовники нередко сбывали краденое добро. Но преступников они даже не заинтересовали. Следовательно, они унесли с собой нечто гораздо более ценное.

Бережной вернулся в зал.

В комнате не было ничего такого, что могло указывать на личность преступников. Но майор не сомневался в одном. В квартире они появились не случайно, кто-то их навел.

– А колоду карт нашли? – спросил майор у Полуянова.

Уголовникам свойственны всякого рода сценические действия и красивые жесты. Часто подле трупа человека, приговоренного ими, воры оставляют записку, разъясняющую, за что именно был наказан отступник. Блатной мир должен знать, что неотвратимая кара настигнет всякого отверженного, где бы он ни находился.

Но Серебряков не входил в криминальный мир. Его законы на адвоката не распространялись. Наоборот, он постоянно защищал уголовников, прослыл весьма приличным специалистом, пользовался хорошей репутацией. Почему же в таком случае убийцы подбросили ему два туза? Что это должно означать?

Ефим Бережной поднял со стола бубнового туза и вни-

мательно осмотрел эту карту. Она была совершенно новой, без каких-либо отметок или помарок, не крапленая. Пиковый туз оказался точно таким же.

– Нет, не нашли. Похоже, что карты убийцы принесли с собой.

Майор знал, что у Глеба Серебрякова была весьма непростая судьба. Прежде чем стать адвокатом, он несколько лет проработал в Московском уголовном розыске. А вдруг это месть бандитов за те дела, с которыми он не справился и его подзащитные получили большие сроки? Чтобы разобраться с этим, придется поднять все дела и выявить те, которые вызывают наибольшее сомнение.

Преступников было несколько, как минимум двое. Один вряд ли сумел бы справиться с двумя взрослыми людьми, особенно с хозяином дома, который был физически развитым человеком.

Майор Бережной аккуратно положил карты на место.

– Что вы скажете об этих убийствах, товарищ майор? – спросил капитан Полуянов. – На моей памяти такое впервые, чтобы убили адвоката, да еще и карты ему положили.

– На моей памяти такое тоже впервые, – невесело буркнул майор.

Ефим Григорьевич наклонился и некоторое время изучал веревку, каковой был связан Серебряков. Пеньковая, самая что ни на есть обычная. Такая продается в любой лавчонке. Тоже не самая большая зацепка.

– Узнавали, кто за стеной живет? – спросил Бережной у Полуянова.

– Полина Яковлевна Ларионова, одинокая старушка лет семидесяти. Мы с ней уже беседовали.

– Загляну и я. Сам поговорю с ней.

Ефим Григорьевич вышел из квартиры и негромко постучал в соседнюю дверь. По ту сторону порога раздались старческие шаркающие шаги: хозяйка не спала.

Затем прозвучал глуховатый женский голос:

– Кто там?

– Это майор Бережной из уголовного розыска. Откройте, пожалуйста. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В квартире установилась затяжная тишина. Старушка всерьез была озабочена собственной безопасностью. Когда любопытство все-таки взяло верх над благоразумием, майор услышал звук сброшенной металлической цепочки. Дверь слегка приоткрылась. В полутемном проеме, освещенном слабой лампочкой, он разглядел старушечью седую голову со сморщенным лицом и крупным пористым носом. В глазах непосредственность, замешенная на детском любопытстве.

Бережной продемонстрировал удостоверение сотрудника уголовного розыска и широко улыбнулся для пушей убедительности, чем окончательно расположил к себе старушку, а потом бодро произнес:

– Темно тут у вас. Я чуть лоб не расшиб.

– Мы бы и рады, чтобы горело поярче, да лампочек других

нет нигде. Проходите.

Дверь широко отворилась. Так всегда поступают радушные хозяева, встречающие желанного гостя.

Внутри квартиры царила опрятная неброская беднота. На окнах висели занавески, выцветшие от времени, через которые просматривалась луна, вышедшая из плена облаков. В какой-то момент Бережному показалось, что своим светом она может прожечь старенькую ткань. В комнатке стояла обшарпанная мебель, пережившая не одну смену хозяев. На вешалке в виде загнутых кверху металлических крючочков висела обветшавшая, изрядно облезшая верхняя одежда, выглядывшая такой же доисторической, как и сама хозяйка.

Помещение давно не проветривалось. Затхлый воздух буквально пробирал до кишок.

– Располагайтесь. – Старушка показала на крепкий стул с изогнутой спинкой, и майор Бережной сел на него. – Так что вы хотели узнать?

– Как вас, простите, величать?

– Нина Гавриловна.

– Нина Гавриловна, вы знаете, что произошло в соседней квартире?

– Ой, да как же мне не знать-то! – заявила старушка и с какой-то горестной готовностью всплеснула руками. – Это надо же такому случиться! Со мной уже беседовал ваш молодой человек. Какое горе! – Седая голова закачалась из стороны в сторону. – Ведь такие молодые, счастливые. Им жить

бы да жить еще.

– А что вы можете сказать о своих соседях?

– Ничего дурного сказать не могу. Это правда! Приветливые, очень доброжелательные. А Глеб Сергеевич вообще золотой человек был. Бывало, заметит меня еще издалека и во весь голос так: «Здравствуйте, Нина Гавриловна». А то еще и рукой помашет. Дескать, рад видеть вас.

– А чужие люди к ним часто приходили? Все-таки Глеб Сергеевич адвокатом был, а эта работа располагает к общительности. Или, может, кто-то заглядывал к его жене? Например, школьные подруги? Какие-то приятели?

– Никого из посторонних я не видела. Не привечали они чужих. Жили очень замкнуто. Наверное, им и вдвоем хорошо было.

– Неужели никто так и не приходил?

– Нет, – уверенно произнесла бабка. – Все-таки они у меня за стеной живут. Если бы кто-то чужой был, так я бы непременно знала. Вот, правда, к ним домработница приходит. Но она не чужая, вроде бы как уже своя.

– Домработница, говорите? – Бережной чуть напрягся.

Об этой особе Полуяновым не было сказано ни слова.

– Давно она у них работает?

– Не хочу сказать, что давно, но уже с год или около того.

– И что же про нее хозяйка говорила? Вы с ней беседовали об этом?

– Иногда что-нибудь рассказывала. – Старушка несколько

воодушевилась.

Случившийся разговор был для нее некоторой отдушиной в размеренной жизни.

– Бывало, что и жаловалась на нее.

– А что так?

– Девчонка-то она хорошая, – тотчас поправилась старушка. – Ничего такого за ней не водилось. Опрятная, не скандальная. Вот только хозяйка жаловалась, что у нее все время какие-то дела обнаруживались. Она частенько отпрашивалась и куда-то уходила. А какой хозяйке такое понравится? Лариса поговаривала даже, что присмотрела уже новую помощницу. Я так думаю, если тебя наняли и деньги хорошие платят, так ты будь добра работать как положено. Или я что-то неправильное говорю? – спросила бабулька и пристально посмотрела на майора.

– Все верно, – охотно поддакнул Бережной. – Как бы мне найти эту домработницу? Вы случайно не знаете, где она проживает?

– Даже не подскажу. – Старушка на минутку призадумалась. – Хотя постойте. Видела я ее на шоссе Энтузиастов. Это в двух кварталах отсюда будет. Я ее приостановила даже и спрашиваю: «Куда это ты, Дашенька?» А она мне показывает на угловой дом, пятиэтажный с балконами, и говорит: «А я живу здесь, квартиру снимаю».

– А как фамилия домработницы, не вспомните?

– Ой, дайте подумать. – Старушка наморщила лоб. – Ко...

Ко... Точно, Коваленкова!

– Вы нам очень помогли, – сказал майор Бережной и быстро записал в тетрадь показания Нины Гавриловны. – Спасибо. – Он поднялся, зашагал к двери, приостановился у порога и добавил: – Желая вам хорошего сна, надеюсь, что вас больше никто не побеспокоит. Вам и так сегодня уже досталось.

– Да какой там сон, милоч, – отмахнулась старушка. – Разве после всего этого уснешь? Да и просыпаться уже пора.

Ефим Григорьевич плотно прикрыл за собой дверь и тут же услышал, как повернулся язычок замка и легонько звякнула металлическая цепочка.

– Вот что, капитан, – обратился Бережной к Полуянову, курившему папиросу на лестничной площадке. – Сходи на Энтузиастов. В самом начале улицы будет угловой пятиэтажный дом с балконами. В нем живет домработница Серебряковых Коваленкова. Узнай, в какой именно квартире она обитает, и приведи ее сюда. побыстрее! Я тебя здесь буду ждать.

– Сделаю, – охотно отозвался капитан.

– Возьми с собой милиционера, – заявил Бережной. – Мало ли что там может быть.

Майор вернулся в квартиру Серебряковых и принялся писать протокол.

«Вечером 13 июля по улице Ямской, дом № 9, в квартире № 37 произошло двойное убийство. Был убит хозяин

квартиры, адвокат Глеб Сергеевич Серебряков, 1910 г. р., а также его жена, домохозяйка Лариса Васильевна Серебрякова, 1916 г. р.

По предварительным данным, смерть супругов наступила 13 июля около 22 часов. Перед смертью Г. С. Серебрякова и его жену Л. В. Серебрякову пытали. На теле Г. С. Серебрякова обнаружены многочисленные колотые раны, а также ожоги, по всей видимости, от уголька папиросы. На шее удавка, пеньковая веревка около одного сантиметра в диаметре, ставшая, по всей видимости, причиной его смерти.

На теле Л. В. Серебряковой многочисленные ожоги, особенно на предплечьях и внутренней части бедер. Женщина тоже была задушена и перед смертью изнасилована.

Предположительно преступников было более двух. Установить их точное количество в настоящий момент не представляется возможным. Механических повреждений на двери и на замке не обнаружено.

По предварительной версии супруги сами впустили убийц в квартиру. Не исключено, что они были хорошо знакомы.

В зале на полу находится вскрытый тайник. Вещей и драгоценностей в нем не обнаружено».

Входная дверь открылась. В комнату в сопровождении капитана Полуянова вошла девушка лет двадцати двух в синем приталенном платье с тонким кожаным ремешком на поясе. На аккуратной головке голубенький берет, слегка сдвинутый набок.

– Вот, привел, товарищ майор, – доложил Полуянов. – Дарья, домработница Серебряковых.

– Очень хорошо, – сказал Ефим Григорьевич и остановил на девушке внимательный взгляд. – Я сотрудник уголовного розыска майор Бережной. Местонахождение вещей в квартире вы хорошо знаете?

– Да. Я ведь здесь каждый день убираюсь.

– Тогда давайте с вами сейчас пройдем по комнатам, и вы нам подробно расскажете, что тут пропало. Постарайтесь собраться и не пропустить ни одну мелочь. Это очень важно. Ваши показания помогут нам в розыске преступников. Вы готовы?

– Да, – негромко и несколько растерянно произнесла девушка.

– Начнем вот с этого. – Майор показал на громоздкий темно-коричневый шкаф с массивными закругленными углами, в котором плотно, едва ли не налезая друг на друга, стояли фарфоровые сервизы, а центральное место оставалось пустым. – Вы здесь ничего не замечаете?

– Шкатулка на полке была, – уверенно проговорила девушка. – В ней Лариса Васильевна золотые украшения хранила.

– А вы можете вспомнить, какие именно украшения в ней были, сумеете как-то описать их?

– Я в шкатулку не заглядывала, – несколько сконфузившись, отвечала девушка. – Но она часто доставала оттуда ко-

лечки, браслеты, а еще бусы из жемчуга.

– Так, уже хорошо, – сказал майор Бережной, записал то, что сейчас услышал, в тонкую ученическую тетрадку и осведомился: – А нить жемчужных бус длинная была?

– Очень длинная, – подтвердила девушка. – Это ожерелье она два раза вокруг шеи обвивала, и оно еще вот до сих пор свисало. – Она провела ребром ладони по своей груди.

– Что еще хозяйка брала из шкатулки?

На какую-то секунду Дарья задумалась, потом ответила:

– Брошь еще была с камушками. Они очень красиво переливались, когда Лариса Васильевна у окна стояла, повернувшись к свету.

Тут ее взгляд упал на труп адвоката Серебрякова, находившийся на стуле в сидячем положении и укрытый белой простыней. Все следственные мероприятия уже были проведены. Теперь сотрудники уголовного розыска дожидались труповозку, чтобы загрузить в нее окоченевшие тела. По какой-то причине машина задерживалась. Как и полагается, покойников милиционеры укрыли простынями. Белый свет им был уже не нужен.

Лицо Серебрякова было разбито. Через простыню неряшливыми багровыми пятнами просачивалась кровь.

Губы домработницы вдруг задрожали, она кое-как удержала в себе крик, вырывающийся наружу, и простонала:

– Это Глеб Сергеевич?

– Да, это он, – негромко подтвердил майор Бережной. –

Его убили бандиты, проникшие в квартиру. Поэтому мы очень нуждаемся в вашей помощи. Нам нужно как можно быстрее отыскать убийц.

– А Лариса Васильевна?.. Ее тоже убили? – Даша едва шевелила побелевшими губами.

– Она тоже мертва. Лежит в соседней комнате.

Губы Коваленковой беспомощно задрожали. Она пыталась что-то сказать, но вместо слов из ее горла вырывался лишь прерывистый сип. Свидетельница закатила глаза и вдруг стала валиться на майора Бережного, стоявшего рядом. Он подхватил девушку на руки и аккуратно положил ее на диван.

– В обморок упала! Этого только нам еще не хватает! Воды принесите! – прикрикнул Бережной на замешкавшихся оперативников. – Хорошо, что я успел подхватить, а то так и грохнулась бы на пол.

С кухни, держа в руке кружку с водой, вернулся капитан Полуянов.

– Что делать-то, товарищ майор? – спросил он, растерянно глядя на девушку, лишившуюся сознания.

– На лицо брызни! – в сердцах воскликнул Бережной, обмакнул пальцы в кружку и стряхнул холодные капли на девушку. – Не жалей воды-то! Плесни! Всему вас учить нужно!

Полуянов щедро плеснул воду из кружки на закрытые глаза девушки. Тонкая струйка с подбородка потекла на шею. На светлом платье остался влажный след.

Даша приоткрыла глаза.

– Что со мной было? – спросила она, заплакала и громко запричитала: – Значит, их убили... убили.

– Как ты себя чувствуешь, Даша?

– Убили...

– Давайте поаккуратнее приподнимем ее.

– Не нужно, – запротестовала Коваленкова и кое-как села на диван.

Майор Бережной горестно вздохнул. На ближайшее время Дарья Коваленкова уже не свидетель. Она будет плакать, вздыхать, причитать. Вряд ли в таком состоянии эта особа способна поведать нечто полезное. Времени на то, чтобы ее утешать, не было, как и особой нужды в этом. Вот успокоится барышня, тогда и разговаривать с ней будет легче.

По лицу Дарьи обильно текли слезы. Плакала она тихо, без надрывов, так, как обычно плачут люди, задавленные тяжелым труднопереносимым горем.

– Как же это так? Почему?..

– Вам лучше сейчас идти домой, – сказал майор Бережной. – Когда поправитесь, тогда и поговорим. Вас проводить?

– Не нужно, – воспротивилась Дарья. – Я сама дойду.

Она с трудом поднялась на ноги и вышла из квартиры.

– Проводи ее, – негромко сказал Трубачеву майор Бережной, когда за девушкой закрылась дверь. – Еще не хватало, чтобы с ней что-то произошло. Пока она у нас единственный

свидетель, который может сказать что-то конкретное.

– Есть! – охотно отозвался на приказ лейтенант и едва ли не бегом пересек комнату.

Фотосъемка уже была завершена. Флегматичный эксперт-криминалист капитан Гараев заканчивал осмотр помещений. К этому делу он всегда подходил скрупулезно, старался не пропустить даже малейших деталей, совершенно справедливо полагая, что без них не получится полновесной картины любого преступления.

Капитан Гараев обладал еще одним важным личностным качеством. Он имел великолепную память и о делах десятилетней давности мог рассказать в мельчайших подробностях.

– Что можете сказать по этому делу, Ринат Шамильевич? – спросил майор Бережной.

– С первого взгляда видно, что здесь поработали настоящие уголовники, мерзавцы с большим криминальным опытом. Этого у них не отнять, сами понимаете. Убийство они осуществили цинично и весьма жестоко. Отпечатков пальцев я не обнаружил. Преступники, скорее всего, действовали в перчатках. Имеются нечеткие следы обуви. Предположительно убийц было трое. Крови на полу много, но никто из них на нее не наступил. А у вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Трудно сказать, – честно признался майор Бережной. – Но уже ясно, что дело будет непростым.

– Труповозка приехала, – объявил Трубачев.

– Задержались они сегодня, – неодобрительно проговорил Бережной, чувствуя, что очень устал. – Давайте берите носилки и аккуратно выносите трупы.

Глава 3

Больше не задерживаю

Январь 1944 года

Старший майор Александр Михайлович Урусов возглавлял Управление Рабоче-крестьянской милиции по Свердловской области уже довольно давно, с тридцать восьмого года. Он отличался трудолюбием и благополучно поднимался по ступеням карьерной лестницы.

Когда в декабре сорок третьего года его вызвали в Москву, в Наркомат внутренних дел, Урусов не особенно удивился. Кроме совещаний, требующих личного присутствия, ему приходилось решать еще массу текущих дел, в том числе и в столице. Вдобавок он всегда был рад увидеть своего тезку и земляка Александра Михайловича Трубочникова, работавшего прежде по соседству, в Челябинской области. С этим человеком, теперь ставшим большим начальником, его связывали крепкие дружеские отношения.

Он перешагнул порог наркомата и направился прямо к нему в кабинет.

Трубочников его уже ждал.

– Здравия желаю, товарищ комиссар третьего ранга! – четко проговорил старший майор Урусов.

– Здравствуй, Саша, – сказал Трубочников и пожал руку гостя. – Присаживайся. – Когда тот сел, хозяин кабинета

продолжил: – Давай не будем терять время на долгие предисловия. Я хочу, чтобы ты прочитал вот этот приказ. – Он пододвинул к нему тонкую папочку с двумя листками бумаги. – И сразу идем на совещание, на которое ты тоже приглашен.

– Что за тема?

– Сейчас по всей стране наблюдается всплеск преступности. Наша задача – противостоять этому всеми возможными методами. Руководство допускает, что допустимы самые крайние меры. Вплоть до расстрела на месте, если такие преступления идут против социалистической собственности, угрожают жизни и здоровью советских граждан.

– Как это было в сорок первом в Москве?

– Именно так. А ведь военное положение в стране пока еще никто не отменял. Ладно, ты читай.

Урусов внимательно прочитал приказ наркома о назначении его на должность начальника уголовного розыска города Москвы с присвоением ему звания комиссара милиции третьего ранга. Он закрыл папку и вернул ее Трубочникову.

– Не возражаешь, комиссар милиции третьего ранга товарищ Урусов? – поинтересовался тот.

– Как же я могу возражать, когда приказ уже подписан? – с улыбкой проговорил Урусов. – Хотя признаюсь, для меня такое назначение очень неожиданно. Другой регион, практически незнакомый. В Москве я только в командировках бывал. Тут есть свои особенности, ответственности больше. Все-таки столица.

– Ничего, справишься! Руководство решило, что на эту должность ты подходишь больше, чем другие кандидаты. А их было немало. Начальству, как ты знаешь, всегда виднее. Так что не обессудь.

– Когда мне принимать дела?

– Время играет против нас. Преступники наглеют, становятся все более дерзкими, жестокими. С ними надо бороться. Поэтому я даю тебе два дня! Это самое большее. Квартира служебная для тебя уже готова. Выделили из резерва, вот держи. – Трубочников протянул Урусову связку ключей, стиснутых крепким металлическим кольцом. – Никакой мебели везти не нужно, она уже вся обставлена. Уверен, что квартира понравится и тебе, и твоей семье. А сейчас давай пройдем в актовЫй зал. Там уже народ собрался. Время дорого.

Через двое суток Урусов приехал в Москву. В этот же день он позвал в свой кабинет на оперативное совещание начальников отделов с докладами о состоянии дел в городе. Новый руководитель Московского уголовного розыска был знаком этим людям. Временами они пересекались в наркомате на совещаниях, обменивались мнением о преступлениях, совершаемых в регионах и в столице, делились информацией по разыскиваемым правонарушителям. Но никто из высокопоставленных сотрудников МУРа даже предположить не мог, что Александр Михайлович Урусов станет их непосредственным начальником. Одно дело встречаться где-то нако-

ротке и по-приятельски общаться, совсем другое – перешагивать порог его кабинета в качестве подчиненного.

О том, какой Урусов начальник, никто из людей, присутствующих на совещании, понятия не имел. Им следовало проявить некоторую сдержанность. По этой причине возникла скованность в общении. Даже те начальники отделов, которые в прежнее время обращались к нему по-дружески, теперь перешли на официальное «товарищ комиссар третьего ранга». Чин генеральский, требует должного уважения. Но Александр Михайлович держался просто, давал возможность высказаться руководителям всех подразделений МУРа.

Первым делал доклад начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Он отметил, что за последние месяцы число подобных преступлений значительно выросло.

За ним докладывал начальник отдела, занимавшегося раскрытием афер и мошенничества, связанных в том числе и с банковской сферой. Как выяснилось, в Москве за последнее время появилось много людей, выдававших себя за фронтовиков, стремившихся по поддельным наградным документам получить выплаты за медали и ордена.

Последним докладывал майор Бережной, начальник отдела по борьбе с бандитизмом. Он откровенно, не особенно выбирая выражений, рассказал, что за последнее время число тяжких преступлений заметно увеличилось. Очень много

оставалось всякаков, среди которых грабежи и убийства.

Комиссар милиции третьего ранга товарищ Урусов сперва лишь хмурился, а потом не выдержал и задал вопрос:

– С чем вы связываете увеличение числа преступлений?

– Напрямую это связано с уходом на фронт наших наиболее подготовленных кадров. Им на смену пришла молодежь, еще не успевшая набрать должного опыта. Еще одна из главных причин увеличения числа преступлений – это большое количество оружия, находящегося на руках у населения.

– Откуда берется это оружие?

– Большая часть его была оставлена на полях сражений и подобрана там. Немало стволов привозят с передовой фронтовиками.

Начальник управления неодобрительно постучал карандашом по стулу. Была у него такая скверная привычка.

– Вы можете обозначить самые криминогенные районы Москвы? – спросил он.

Майор Бережной подошел к карте, висевшей на стене, взял указку, стоявшую в углу.

– Марьино Роша, Вахрущенка, Даниловская застава. Данные районы и раньше входили в число криминогенных, этим нас особенно не удивишь. Но в последнее время самым проблемным местом в столице сделался Тишинский рынок, или Тишинка, как по-простому говорят москвичи. Я бы хотел его выделить особенно. Там царит самый настоящий разбой! Дня не проходит, чтобы на рынке не было совершено

ограбление или не произошло какое-нибудь другое серьезное ЧП. Бандитские шайки отбирают у москвичей даже продуктовые карточки, обрекают на голодную смерть целые семьи.

– Картина получается удручающая, прямо скажу, – заявил комиссар третьего ранга. – Сделаем вот что. Приказываю каждому отделу в трехдневный срок подготовить предложения по улучшению нашей работы. В ближайшее время мы должны сломать хребет преступности в Москве и по всему Подмосковию. Задание понятно? Если так, то возвращайтесь к работе. Наш разговор закончен.

Офицеры дружно поднялись и потянулись к выходу. Впечатления от нового начальника у них были самые противоречивые. Но в том, что он свое дело знает, сомнений не было ни у кого.

Майор Бережной выходил последним. Он задержался у самого порога, пропустил остальных участников совещания.

Когда дверь закрылась, Ефим Григорьевич повернулся к Урусову, сделавшемуся вдруг напряженным, и отчеканил:

– Товарищ комиссар третьего ранга, разрешите обратиться.

– Обращайтесь, товарищ майор, – угрюмо произнес Урусов и приподнял голову.

– Я подавал рапорт об отправке на фронт, – произнес майор Бережной. – Мне хотелось бы, чтобы он был удовлетворен...

– Знаю, – перебил его комиссар третьего ранга. – Ты уже три раза его подавал. Меня об этом уже известили, сказали, что ты и дальше будешь подавать рапорта, не успокоишься. Вот только я никак не думал, что это произойдет в первую же нашу официальную встречу.

– Товарищ комиссар третьего ранга...

– Ты меня послушай, майор, не перебивай! – Урусов добавил в голос некоторой строгости, выдержал должную паузу и продолжил с жестковатыми нотками: – Многим из нас хотелось бы попасть на фронт и бить фашистов, да только мы понимаем, где сейчас нужнее. Кем ты там будешь? Скорее всего, замполитом. Их в Красной армии много, а вот таких опытных сыскарей, как ты, по пальцам можно пересчитать. Или ты думаешь, что без тебя немцев не разобьют?

– Разобьют, конечно, товарищ комиссар третьего ранга. Мы синовий кол им в гроб вколотим, но дело в том...

– А тут кто будет всех этих гадов вылавливать? Кому прикажешь молодежь учить? Мы буквально обескровлены, лучшие кадры сейчас на фронтах, а бандиты этим пользуются, все больше наглеют! Ты ведь сам только что об этом говорил. У нас здесь тоже не медом намазано. Ты сводки за последние сутки читал?

– Читал.

– И что скажешь?

– Радостного мало.

– Все так и есть. Только за последние сутки в перестрелках

убиты пятеро наших сотрудников! Не берись утверждать, что завтра их будет меньше. Бандиты стреляют из-за угла, бьют в спину. Я не знаю, как мне вдовам в глаза смотреть, что матерям сказать. Здесь, в тылу, тоже идет самая настоящая война. Ты подготовлен к ней лучше, чем кто-либо другой. Надеюсь, ты меня понял, товарищ майор, и давай больше не будем заводить разговор на эту тему. Все ясно?

– Так точно!

– Тогда я тебя больше не задерживаю.

Глава 4

Государственная тайна

14 июля 1944 года

На следующий день после гибели семьи Серебряковых, ровно в десять часов утра в кабинет майора Бережного пришла домработница Дарья. Сейчас она выглядела не в пример лучше, была собранной. На щечках, по-девичьи пухленьких, даже проступил легкий румянец. В прошлый раз рассмотреть ее как следует Ефиму не удалось. Слишком она была напугана, выглядела бледной, лицо ее искажал откровенный страх.

Зато сейчас Бережной смог увидеть, что барышня мила, весьма женственна, ухожена. Ее крупные выразительные глаза с темными точечками на радужке смотрели на него внимательно и даже как-то строго.

– Как вы себя чувствуете? – с сочувствием спросил майор Бережной. – На вопросы сможете отвечать?

– Мне уже лучше. Смогу, – отвечала Дарья, однако подбородок ее при этом слегка дрогнул.

В какой-то момент майору Бережному показалось, что она сейчас расплчется, но нет, ничего такого не произошло. Девушка сумела сдержаться. У Ефима возникла уверенность в том, что разговор теперь пойдет куда более продуктивно, чем в прошлый раз.

– Давайте вернемся к началу нашей беседы, – сказал он. – Много ли вещей пропало?

– Из одежды как будто ничего не исчезло. – Дарья пожала плечами. – А вот украшения Ларисы Васильевны пропали.

– А вы можете описать пообстоятельнее, что у нее было?

– Они были люди небедные, – перебирая узкий ремешок кожаной сумочки, произнесла девушка.

Было заметно, что она еще не отошла от вчерашнего эмоционального удара. На хорошеньком лице оставались глубокие следы переживаний.

– Могли многое себе позволить. Например, была золотая брошь с изумрудом. Лариса Васильевна любила на вечернее платье ее прикалывать, когда в театр ходила.

Убитую хозяйку сотрудники уголовного розыска нашли именно в вечернем платье, вот только броши на нем не оказалось.

– Что еще можете сказать? – спросил Бережной и записал показание.

– Браслеты у нее были золотые, цепочки разные, – продолжала Дарья. – Колечки всякие с камушками. Их я тоже не увидела. Например, кольцо золотое было. От него три крохотные веточки отходят, и в каждую из них по несколько бриллиантиков вделано.

Майор Бережной быстро записывал все, что говорила девушка, старался не пропустить ни слова.

Адвокат действительно был человеком небедным. По ны-

нешним временам перечисленные украшения считались настоящим богатством. Криминальная обстановка в Москве за последние месяцы значительно ухудшилась. Преступники убивали людей просто за потертое пальто, за старое платье, а тут такие сокровища!

Неделю назад в Марьиной Роще сгорел дом, в котором погибла семья из шести человек. Поначалу следователи посчитали, что пожар возник из-за небрежного обращения с примусом или керосинкой. Может быть, где-то пробило проводку и произошло самовозгорание. Такое в Москве случалось нередко. Оставили люди керосиновую лампу без присмотра, а она возьми и опрокинься на деревянный пол. Вот вам и пожар!

Но правда выяснилась через пару дней. Соседские мальчишки, игравшие в футбол, случайно закинули мяч под порог сгоревшего дома, а когда его доставали, обнаружили мешки с одеждой. Пальто, платья, брюки – все старое, ветхое. Все эти вещи принадлежали сгоревшей семье.

Очевидно, преступники не сумели унести все награбленное рванье и спрятали под порогом то, что осталось, чтобы забрать позже. Возможно, что так и произошло бы. Никто никогда не узнал бы об убийстве шести человек, если бы не тот злополучный мяч, закатившийся под порог.

– А вы знаете, что хранилось в тайнике под полом? – спросил Бережной и внимательно посмотрел на девушку.

В ее крупных глазах неожиданно вспыхнул испуг.

– Нет, – довольно резко произнесла Коваленкова. – На этом месте всегда стояло кресло. На нем часто сидел Глеб Сергеевич. Я даже не знала о тайнике.

– Понятно. А вы не могли бы сказать, что за народ приходил к Серебряковым? Может, помните имена или фамилии этих людей, вам известно, где они живут или работают?

Девушка опять пожала плечами и проговорила:

– К ним редко кто приходил. Разве что соседи иной раз забегали: то посуду попросить, чтобы гостей своих хорошо встретить, то соль. Так, по хозяйству. Это всегда и у всех бывает. – Домработница вдруг запнулась, чуть помолчала, потом продолжила: – Хотя иногда приходили какие-то странные личности, но это уже по работе. Глеб Сергеевич ведь в адвокатской конторе служил, разных людей защищал, иногда не самых хороших.

– А вы не могли бы сказать, как они выглядели?

– Глеб Сергеевич их сразу в другую комнату уводил и подолгу с ними разговаривал, – отвечала девушка. – А потом мне ведь это без надобности было. Мне своих дел всегда хватало выше головы.

– Да, все так. А вы каждый день у Серебряковых работали?

– Почти каждый, – охотно откликнулась домработница.

– А вы знаете о том, что хозяйка хотела вас рассчитать?

– Мне это неизвестно.

– А почему вас не было в квартире в день убийства? –

Майор Бережной пристально посмотрел на свидетельницу.

Он хотел задать этот вопрос нейтральным голосом, как самый банальный, не имеющий отношения к делу, но получилось с некоторым упреком. Дескать, вот вы сейчас живы, а хозяева ваши мертвы.

Подбородок у Дарьи Коваленковой дрогнул. В какой-то момент Ефиму даже показалось, что она готова разреветься в два ручья, заголосить громко, по-бабьи, и тогда успокоить ее будет сложно. Бережному сделалось неприятно за собственную бестактность. Прошла долгая минута, прежде чем свидетельница сумела справиться с собой.

Она приподняла подбородок и уверенно отвечала:

– Я отпросилась у Глеба Сергеевича заранее. Мне нужно было встретить родственницу на вокзале.

– Встретили?

– Да.

– А откуда она приехала?

– Из Ярославля. Она ни разу не была в Москве и попросила, чтобы я показала ей город. Конечно, он сейчас не тот, что был до войны, но все равно красивый.

– А как ее зовут?

– Тетя Шура Тимофеева.

– Ну и как, понравилась ей столица? – Майор Бережной попытался улыбнуться, хоть немного смягчить жестковатые интонации.

Лицо Дарьи слегка просветлело, оттаяло, и она удивленно

спросила:

– А разве Москва может не понравиться?

– Тоже верно. Можете идти. – Майор Бережной расписался на пропуске, протянул его девушке и сказал: – Покажете дежурному на входе. Он вас выпустит. Из города никуда не уезжайте, вы еще можете нам понадобиться.

Девушка взяла пропуск, всхлипнула, приложила к глазам белый платок и произнесла:

– Я вот о чем все время думаю. А ведь если бы я не пошла тетю Шуру встречать, так со мной то же самое было бы.

– Успокойтесь, постарайтесь не думать об этом. Конечно, большое горе случилось, но нужно ценить тот факт, что с вами ничего не случилось, вы живы и здоровы. Эти звери никого не пощадили бы.

Домработница, готовая уже было разрыдаться, прикусила губу. На розовой коже проступили капельки крови. Даша тихо попрощалась, ссутулилась, придавленная невыстраданным горем, и по-старушечьи зашаркала к двери.

Оставшись один, майор Бережной открыл папку, лежавшую на столе, и принялся рассматривать фотографии, сделанные в квартире Серебряковых. Его не покидало чувство, что он недоглядел, что-то упустил. Ощущение было неотчетливым, не давалось в руки, ускользало, однако отягощало все его думы.

На фотографиях был зафиксирован тошнотворный ужас. Повсюду в комнате лужи крови. Крупным планом засняты

колотые раны, нанесенные женщине преступниками, ее ноги и низ живота, изрезанные и окровавленные. Это были настоящие звери. Прежде чем порешить свою жертву, они достаточно поизмывались над ней.

Ну да, биография у Глеба Серебрякова была непростой. Прежде чем перейти в адвокатуру, он работал в Московском уголовном розыске. За годы службы у него набралось немало недоброжелателей из криминальной среды, которые желали бы свести с ним счеты. Это во-первых.

Во-вторых, работая адвокатом по уголовным делам, Глеб Серебряков общался не с самыми светскими людьми. Грабители и убийцы были его обычными клиентами. Каждый из них во время судебного процесса донимал своего защитника немалыми претензиями. Они вроде бы жили по понятиям, их неписанные законы вроде бы запрещали им трогать адвоката. Однако это совсем не означало, что среди них не нашлось недовольных, которые захотели рассчитаться с Серебряковым за годы, проведенные в неволе.

Ефим Бережной сделал пометку в блокноте. Надо поднять архивы и посмотреть дела, вызывающие наибольшие опасения. Особое внимание следует обратить на те судебные процессы, в ходе которых адвокат не сумел облегчить участь осужденного.

Рядом с фотографиями лежали пиковый и бубновый тузы, оставленные убийцами и грабителями на месте преступления. Майор Бережной взял их и принялся внимательно раз-

глядывать. Не упустил ли он чего при первом осмотре? Вроде бы обычные карты, совершенно новые, даже уголки не пообтерлись, не крапленые.

Так что же они могут означать? Должен же здесь быть какой-то смысл.

Майора Бережного не покидало ощущение, что разгадка убийства супружеской пары как-то связана именно с этими картами. Следует только повнимательнее к ним присмотреться.

Ефим поднял трубку телефона внутренней связи и набрал номер капитана Кобзаря, прослывшего в управлении большим специалистом по уголовной субкультуре.

– Петр, зайди ко мне, – распорядился он.

Этот бывший беспризорник, успевший три раза отсидеть в колонии, впоследствии закончил милицейскую школу и был направлен в Московский уголовный розыск. Тело Петра было покрыто наколками, каждая из которых буквально вопила о его нелегкой беспризорной судьбе. На спине – соборы, на груди – морды льва и тигра, а на костяшках пальцев – авторитетные перстни. Когда он заходил в общественную баню, мужики мигом распознавали в нем бывалого сидельца и почтительно уступали место на лавке.

Для оперативной работы Петр Кобзарь подходил, как никто другой. Этот артистичный и обаятельный человек легко располагал к себе любого собеседника. В зависимости от ситуации он мог быть простаком, не знающим правды жиз-

ни, третейским судьей на воровских сходах, авторитетным уркой. Кобзарь любил риск, способен был играть на самой грани, пройти по лезвию бритвы.

Вместе с тем он был опытным оперативником, раскрывшим немало сложных дел.

– Располагайся, Петр, – сказал майор Бережной, показал рукой на стул, стоявший по другую сторону стола, и внимательно посмотрел на капитана.

Он знал, что за Кобзарем водилась одна занимательная привычка. Тот никогда не садился на стул сразу, как сделал бы на его месте любой другой человек. Сначала Петр внимательно разглядывал сиденье, словно выискивал в нем скрытые недостатки, и только потом, не обнаружив таковых, опускался на стул.

В действительности это была укоренившаяся привычка бывалого зэка.

Однажды Кобзарь рассказал Ефиму о том, что в красном уголке колонии, где преподаватели нередко проводили воспитательную работу с малолетними преступниками, всегда оставался свободным стул для презируемых, на который всем остальным осужденным садиться было никак нельзя. Достаточно было лишь прикоснуться к нему, чтобы угодить в касту отверженных. Несмотря на некоторые уголовные чудачества, которые Петр так и не сумел в себе изжить до конца, оперативником он был незаменимым.

– Благодарю, – негромко, с некоторым чувством произнес

Кобзарь, как если бы выразил признательность не за стул, предложенный ему, а за кусок хлеба, разделенный поровну.

Майор Бережной положил перед капитаном Кобзарем две карты и спросил:

– Что ты, Петр, можешь сказать об этих картах?

– Насколько я в них разбираюсь, могу сказать совершенно точно, что это пиковый туз, а вот это – бубновый, – с улыбкой произнес Кобзарь и полюбопытствовал: – Я не обманул твоих ожиданий?

– Мне этого недостаточно, – отвечал майор. – Ты скажи, что могут означать эти две карты.

– Откуда они у тебя?

– Мы нашли их рядом с убитыми.

– Ах, вот оно что, – серьезно отозвался Кобзарь и спросил: – А покойнички случайно не блатные?

– В том-то и дело, что нет. Это супружеская пара. Муж был адвокатом, причем известным.

– Обычно блатные не трогают адвокатов, – озадаченно протянул Кобзарь. – А тут еще и карты.

– Что-то здесь не вяжется, – согласился майор.

– Может, урки по ложному следу хотят пустить следствие?

– Мы прорабатываем все версии. Но о картах тоже хотелось бы узнать поподробнее.

– Ну что тут сказать. Эти две масти противоположны друг другу, как плюс и минус, как вода и пламя. Они не объединяют, а скорее указывают на различие. – Капитан под-

нял со стола пиковый туз и произнес: – Пики – не простая масть. Она любит фартовых, тех, кто ищет удачу, хочет получить успех, готов пойти на хитрость, на риск. Такая масть не для всех. Иной наколет ее, а потом, на следующий же день, шею себе свернет в какой-нибудь заварушке. Не приняла его масть. Дешевым фраерам с ней не справиться. К этому надо добавить, что пики самые старшие в колоде. А тут еще и туз! Это знак какого-то авторитетного вора, без одобрения которого не решается ни одно дело. Просто так такую карту не подкинут. Когда я в колонии сидел, к нам один пацан попал. Он в монастыре послушником был.

– За что это его?

– Монастырь разрушали, он вступился. Вот его и забрали. Но дело не в этом. Он никогда в карты с нами не играл. Спрашиваем, почему, мол? А он отвечает: «Не могу. Игра в карты – это неуважение к Христу». Верующий очень был. Ведь пиковая масть олицетворяет собой наконечник копья, которым распятого Иисуса убили. Я так думаю, скорее всего, это была какая-то месть от авторитетного вора.

– А что тогда, по-твоему, означает бубновый туз?

Кобзарь взял эту карту и произнес:

– А это совсем другое. Бубны имеют двоякое значение. Первое – это знак гвоздей, которыми Иисуса к кресту прибили. – Он немного помолчал, подумал и продолжал: – Можно сказать так, что этого адвоката пригвоздил какой-то серьезный вор. Подбросили бубны. Значит, забили гвозди в его

гроб.

– А почему тогда именно туз?

– Значит, у него был какой-то большой грех, который нельзя спустить. Как тут ни крути, а бубны – скверный знак! Они указывают, что такому человеку доверять нельзя. Его должны сторониться даже свои. Это большой мошенник. А еще опасным зэкам на тюремную одежду прежде нашивали бубновый туз. С таким знаком в бега не очень-то и пойдешь. В него из винтовки прицеливаться очень удобно.

– Как ты можешь обобщить эти два туза?

Кобзарь вытащил из кармана коробок спичек, покрутил его в ладони, после чего проговорил:

– Скажу так, два туза были подброшены не случайно. Ясно, что убитый адвокат был как-то связан с уголовниками. Причем с серьезными людьми, которые оплошностей не прощают. В чем-то он их подвел, как-то смошенничал, вот они его и порешили.

– Но ведь адвокат. Как-то не положено вроде. Кто же их потом защищать на суде станет?

– Все так, – легко согласился капитан Кобзарь. – Видимо, нагрешил много. На все остальное урки не посмотрели, поэтому и картишки ему подбросили, чтобы всем стало ясно – дескать, мы не могли поступить иначе. Это сделали очень опасные люди, они ни перед чем не остановятся. Для них убить человека – плевое дело! А если тут есть еще и личные мотивы, то ситуация усугубляется.

Майор Бережной взял карты, аккуратно уложил их в папку вместе с фотографиями и сказал:

– Спасибо, капитан, выручил.

– Если что, обращайся, товарищ майор, всегда буду рад помочь, – заявил Кобзарь и поднялся.

После того как дверь за ним закрылась, Ефим Григорьевич поднял трубку телефона.

– Вот что, Прохор, подними всю базу данных по области за последние пять лет. Узнай, есть ли аналогичные убийства с подбрасыванием карт. Что-то не очень мне верится, что это какой-то единичный случай. По почерку это матерые бандиты, им не впервой убивать! Действовали жестоко, крови оставили много. А следов между тем совершенно никаких.

– Сделаю, товарищ майор, – охотно отозвался капитан Полюянов.

– Завтра вечером доложишь о результатах.

Бережной положил трубку.

Ему с самого начала было ясно, что дело будет трудным, и в первую очередь психологически. Это надо же так раскромсать бедную женщину! На такое способен только мозг, искалеченный болезнью. Убийцы получали наслаждение от своего злодеяния.

Майор Бережной вновь поднял трубку телефона.

– Вот что, старший лейтенант, зайди ко мне.

Через минуту Максим Кондрашов вошел в кабинет.

– Ты что-нибудь выискал? – нетерпеливо спросил Ефим

Григорьевич.

– Пока ничего, товарищ майор. Опросил весь подъезд. Никто ничего не видел и не слышал.

– Может, что-то видели люди, проживающие в других домах? Посмотри квартиры, окна которых выходят на подъезд, опроси их жильцов.

– Да я все это учел, товарищ майор, – с некоторой ноткой обиды произнес Кондрашов. – Поговорил с людьми из двух квартир. Они видели женщин, военных, стариков. Их всегда много. Но чтобы какие-то крепкие мужики в гражданском...

– А с чего ты взял, что они должны быть в гражданском? Мы не знаем, как преступники были одеты. Не исключено, что они нацепили военную форму. Проверять нужно всех! Уделить внимание особым приметам. Хромота, шрамы, порезы, наколки.

– По словам одной свидетельницы, в течение дня в подъезд заходили четверо военных, – энергично проговорил старший лейтенант. – Ближе к обеду были два старших лейтенанта, а вечером – старшина и рядовой.

– Это уже кое-что. Поспрашивай, к кому они могли зайти. И еще тебе задание. Наведайся в психбольницы и узнай, были ли у них побегии неуравновешенных или склонных к насилию больных. Если такое случалось, то таких людей нельзя списывать со счетов. Это тоже могут быть наши клиенты. Ну не мог здоровый человек сотворить такое! Да и эти карты тоже. Они могут быть всего лишь какой-то навязчивой иде-

ей душевнобольного. Жду от тебя подробного доклада. Все, ступай!

Старший лейтенант покинул кабинет.

Майор Бережной поднялся, взял папку, отпер дверцу сейфа и положил ее к остальным документам.

Тут прозвенел звонок телефона внутренней связи.

– Слушаю, – отвечал Ефим Григорьевич.

– Товарищ майор, тут к вам девушка одна пришла, – произнес дежурный. – Говорит, что по делу об убийстве супругов Серебряковых.

– Пусть заходит.

Через несколько минут раздался робкий стук в дверь.

– Проходите, – произнес майор.

Дверь открылась. В комнату вошла женщина лет двадцати пяти. В руке она держала холщовую сумку.

– Вы что-то хотели мне сообщить? – спросил Бережной.

– Да, – произнесла женщина, явно робея.

– Тогда присаживайтесь. Как вас величать? – доброжелательно спросил Ефим Григорьевич, стараясь снять ее напряжение.

– Мария Федоровна Груздева. Я соседка Ларисоньки Серебряковой, – ответила женщина.

– Так. И почему же вы пришли сюда?

– Дело в том, что я брала у нее туфли.

– Какие еще туфли? – удивленно спросил Бережной.

– Мой жених, старший лейтенант Красной армии, артил-

лерист, получил отпуск по ранению. Он должен скоро отправиться в свою часть, вот мы и решили сходить в театр на премьеру, а через неделю у нас свадьба. Потом Паша уходит на фронт.

– Поздравляю вас с предстоящей свадьбой, – произнес Бережной, не понимая, куда клонит Груздева.

– Спасибо, – произнесла женщина рассеянно. – Ларисонька мне дала свои туфли. Я должна была вернуть их ей в этот день, пришла вечером, но у нее почему-то было закрыто.

– Во сколько это произошло?

– Был уже одиннадцатый час. А на следующий день я узнала, что ее убили вместе с Глебом. У меня остались эти туфли. Что мне с ними делать?

Прежде подобных вопросов Бережному никто не задавал. Это было очень неожиданно. Ему следовало что-то отвечать.

Женщина попыталась вытащить туфли из сумки. Майор Бережной жестом остановил ее, тяжело вздохнул и сказал:

– А что тут сделаешь? Туфли вам нравятся?

– Да. Поэтому я у нее и попросила их. Сама я не могла такие достать, а у Ларисоньки эта возможность имелась. Глеб Сергеевич адвокатом был, имел какие-то связи. Она ведь никогда мне не отказывала, не была жадной: то сумочку подарит, то ожерелье жемчужное даст поносить. – Груздева невольно всхлипнула. – Я бы и на свадьбу у нее эти туфли попросила.

– Оставьте их себе.

– Как оставить? – удивленно произнесла женщина.

– А вот так! Если они вам нравятся, то носите их. Пусть эти туфли будут памятью о вашей подруге. Вспоминайте ее добрым словом. Считайте их подарком Ларисы к вашей предстоящей свадьбе.

Слезы мгновенно высохли. На гладком лице не осталось ни морщинки.

– Вы считаете, это будет правильным?

– Я уверен в этом. – Майор Бережной почувствовал облегчение. – Значит, вы выходите замуж за старшего лейтенанта?

– Да, – произнесла Груздева, удивленно посмотрев на него. – Тут что-нибудь не так?

– Все так, – с улыбкой ответил Ефим Григорьевич. – Как говорится, совет да любовь. Я вот что хотел у вас спросить. В последние дни к вам кто-нибудь приходил?

– Да, – несколько растерянно отвечала Груздева. – Друзья Паши, с которыми он учился в училище. К сожалению, они его не застали, он в это время в военкомате был.

– И сколько их было?

– Человек восемь, – чуть подумав, ответила женщина.

– Можете идти, Мария. Вы нам очень помогли, – сказал Ефим, поднялся со стула и проводил посетительницу до дверей. – Желаю, чтобы у вас все было хорошо. Как говорится, счастья в личной жизни.

– Спасибо, – растроганно произнесла Мария и ушла.

Майор Бережной посмотрел на часы. До начала совещания оставалось десять минут. Он сложил в папку записи, необходимые для предстоящего выступления, вышел в коридор и поднялся в приемную начальника МУРа.

– Проходите, – сказал секретарь, двадцатилетний лейтенант. – Уже почти все подошли.

Майор Бережной благодарно кивнул и вошел в кабинет, где на своем рабочем месте сидел начальник МУРа комиссар третьего ранга Урусов. Руководители подразделений расположились за длинным столом, покрытым плотным зеленым сукном и упирившимся короткой стороной в стол Урусова. Ефим Григорьевич поздоровался со всеми и сел на свободное место.

– Начнем, товарищи офицеры, – заявил Александр Михайлович. – Я внимательно посмотрел все ваши докладные, признаюсь, нашел в них массу полезного и убедился в том, что мы должны применять к преступникам самые жесткие меры. – Он пролистал бумаги, разложенные на столе, и продолжил: – Только что мне принесли сводки преступлений за период с января по июль. Текущая картина выглядит удручающей. Получается, что преступность по сравнению с прошлым годом у нас выросла почти на десять процентов. Так продолжаться не может. За последнюю неделю произошло ограбление двух железнодорожных складов, в одном из которых были теплые вещи, а в другом – мешки с зерном. Бандиты действовали очень нагло, дерзко, с оружием в руках.

Убиты два сторожа. Отряд милиционеров, направленный на задержание, вступил с ними в перестрелку, в результате чего один милиционер погиб. По заявлениям свидетелей, на стороне бандитов была боевая выучка. Этот факт делает их вдвойне опаснее. Так, идем дальше. — Урусов перевернул несколько страниц. — Было обчищено три продовольственных магазина. Бандиты лишили людей самого необходимого. Негодяи знали, когда именно прибудет товар. С этим нам предстоит разбираться тщательнейшим образом. За сутки было ограблено два десятка квартир. Это только то, что нам известно. А сколько пострадавших еще не подали заявлений! Бандиты не гнушаются ничем. Они выносят все подряд, оставляют в квартирах буквально голые стены. Старые подштанники, стоптанная обувь, затертые пиджаки — все идет на продажу на рынки Москвы! За прошедшие сутки произошло восемь убийств с ограблениями! И это еще не предел. Вы не хуже меня знаете, что в иные дни случается и побольше. На улице Коммунаров сгорел дом, погибла семья из пяти человек. Предположительно сначала были совершены ограбление и убийства, а уже потом, чтобы скрыть следы преступления, дом был подожжен. Все столичные рестораны и прочие злачные места буквально забиты бандитами и прочим уголовным элементом! Они швыряются деньгами, когда законопослушные граждане буквально пухнут от голода. Это не просто какой-то откровенный, вызывающий цинизм. Они подрывают веру нашего народа в равенство и социалистиче-

скую справедливость. Так что в чем-то эти уголовники даже хуже немцев! – Комиссар третьего ранга выдержал длительную паузу и продолжил: – У нас есть возможность покончить с массовым бандитизмом в одночасье, но мы почему-то не решаемся применять экстренные меры. Нам известны места сосредоточения преступников. Я предлагаю организовать облавы везде, где собираются бандиты и разного рода уголовные элементы. Такую операцию следует проводить одновременно. Начнем мы с Тишинского рынка. Брать нужно будет всех бандитов, имеющих огнестрельное или даже только холодное оружие. Безжалостно ломать всякое сопротивление! За малейшее неповиновение и сопротивление сотрудникам милиции расстрел на месте по законам военного времени! Всех остальных паковать и везти в отдел. Только такими жесткими методами мы сможем очистить Москву. Я уже был у товарища наркома и получил одобрение предстоящей операции.

– Среди лиц, задержанных во время облавы, наверняка будет немало таких, которые просто как-то сталкивались с бандитами, но не участвовали в их делах, – заметил майор Бережной. – Например, их родственники, которые даже не догадывались, кто они есть на самом деле. Что с ними делать в таком случае?

– Со всеми частностями мы будем разбираться самым тщательнейшим образом, но не нужно забывать, что сейчас идет война. Наша страна испытывает огромнейшие лишения.

ния и бьется на фронтах со смертельным врагом. Все противоправные действия бандитов – это удар ножом в спину нашей родине. Я требую помнить об этом. А потому лиц, упомянутых вами, товарищ майор, следует расценивать не как пособников уголовников и бандитов, а как врагов, угрожающих нашему социалистическому строю. Каждого, кто так или иначе будет причастен к бандитам, забирать по статье пятьдесят девять пункт три как фашистского пособника! Нам еще предстоит детально разработать план операции, чтобы через сеть, расставленную нами, не проскочил ни один гад! В этом деле нам будут помогать несколько подразделений органов государственной безопасности. Думаю, что не нужно никого предупреждать о том, что наш сегодняшний разговор составляет государственную тайну? Все свободны!

Глава 5

Отставник

Майор Бережной быстро спустился по широкой лестнице, вышел на проспект и направился в сторону Мещанской улицы, где проживал подполковник запаса Александр Федорович Рогов. Этот человек был поистине легендарной личностью. Более двадцати лет он проработал в Московском уголовном розыске, принимал участие в раскрытии многих сложных и нашумевших дел, обладал ясностью мышления, не обветшавшей даже с годами. Александр Федорович мог назвать поименно всех членов преступных сообществ. Он безо всякого труда, как если бы смотрел по фотографии, детально описывал их внешность, без запинки называл тюрьмы, куда отправлялись его подопечные, был настоящей находкой для молодых сотрудников.

А в этот раз серьезная помощь понадобилась самому майору Бережному.

Ефим Григорьевич навещался к Рогову довольно часто. Особенно когда в делах участвовал кто-нибудь из прежних подопечных этого человека. Одно дело – сухие страницы протоколов допроса, и совсем другое – живое интересное повествование с подробностями, которые не услышишь нигде, очень полезными для расследования.

Ефим Григорьевич прошел по помпезной улице, по обе

стороны которой стояли трехэтажные дома, украшенные балкончиками и полукруглыми эркерами. Некогда это были доходные купеческие особняки. Вскоре он заглянул во двор углового здания, на первом этаже которого проживал отставной подполковник Рогов.

Окна его квартиры были распахнуты настежь. В проеме между двумя цветами, разросшимися в горшках, стоявших на широком подоконнике, майор увидел седую голову ветерана уголовного розыска.

Черты лица тонкие и правильные, с прямым аккуратным носом и ямочкой на узком подбородке. На выпуклом лбу глубокая и прямая морщина, придававшая его облику некоторую жесткость. Ее подчеркивала и папиросина, зажатая в зубах. Курил он по-особенному, сбрасывал пепел не на кусты сирени, густо разросшиеся под окнами, а в спичечный коробок, который держал в руках.

В нем присутствовал какой-то врожденный аристократизм, разительно отличавший его от сослуживцев. Возможно, причина была в том, что родом он был из дворян, чего никогда не скрывал. А работа в уголовном розыске была продолжением семейной традиции. Его дед и отец служили в уголовном сыске еще в царские времена.

Увидев майора Бережного, подошедшего к дому, Александр Федорович приветливо махнул ему рукой и поинтересовался:

– По делам каким, Ефим Григорьевич, или просто так,

чайку попить?

– День добрый, Александр Федорович! Мне ваша консультация нужна. Можете выйти на несколько минут?

– А ты бы зашел ко мне. Тут моя хозяйка чаю хорошего раздобыла, – мягко настаивал Рогов. – Угощу с превеликим удовольствием!

– Как-нибудь в следующий раз с большой охотой, а сейчас у меня дел много. Боюсь не успеть.

– Если так, то сейчас выйду. Ты пока посиди вон там на лавочке, под деревом в тенечке. Жарко сегодня, – проговорил отставной подполковник, показал на могучую липу, широко раскинувшую свою крону в глубине двора, над деревянным забором, и тотчас скрылся в глубине комнаты.

Погода действительно стояла нисколько не холодная. Воздух, прогретый июльским солнцем, насыщенный цветочным дурманом, надушенный прелыми листьями, колыхался над асфальтом зыбким маревом. Но в тени было хорошо. Атмосфера располагала к некоторой задумчивости и доверию.

Майор Бережной достал пачку папирос «Герцеговина Флор». Вовсе не для фасона, а чтобы порадовать себя ароматным табачком. Папиросы дорогие, не всякий раз и купишь. Поэтому приходится экономить, курить табачок по-плоше. Но сегодняшней день был именно таким, когда хотелось вкусить аромата.

Ефим закурил и долго держал теплый дым где-то в глубине легких. Он чувствовал, как тот заблудился и бродил где-

то по альвеолам. Потом, достаточно порадовав нутро дымом, майор выпустил тонкую зыбкую струйку на свободу, прямо навстречу порыву ветра. Тот растрепал серое облако, разбросал на ключья и отнес куда-то в кроны деревьев.

Майор Бережной едва успел выкурить папиросу до середины, как из подъезда вышел Александр Федорович. Только сейчас, рассматривая его в полный рост, Ефим понял, насколько он постарел за последние месяцы. Фигура, прежде такая ладная и крепкая, как-то вдруг ссохлась, а сам Рогов заметно ссутулился. Это был старик, пусть все еще крепкий, имевший в руках силу, но уже сгибавшийся под тяжестью прожитых лет.

Одет он был броско, модно, в темно-синий строгий костюм. Такова была еще одна особенность отставного подполковника. Даже дома Александр Федорович не делал скидки на обыденность, одевался так, как если бы намеревался отправиться в театр.

– Рассказывай, что тебя привело ко мне, – сказал он и присел рядом.

Майор Бережной раздавил окурок о дно жестяной банки, приложенной к скамье чей-то мастеровитой рукой, и подробно, не упуская малейших подробностей, рассказал о двойном убийстве, произошедшем на улице Ямской.

Александр Федорович выслушал его внимательно, ни разу не перебил, не задал ни одного уточняющего вопроса, лишь едва кивал, подбадривая рассказчика.

– Значит, говоришь, на столе лежали два туза, – наконец-то произнес Рогов и внимательно посмотрел на майора Бережного.

Когда-то, будучи еще совсем молодым оперативником, Ефим находился в подчинении у подполковника Рогова. Их отношения в тот период больше напоминали общение старшего товарища с младшим, чем начальника и подчиненного. Вот и сейчас он слышал те самые интонации, которые в былые времена заставляли его напрячься и внимать каждому слову мудрого наставника. Майор даже голову слегка приподнял, опасаясь пропустить нечто важное. Вроде бы и сам уже давно не тот безусый шалопай, каковым пятнадцать лет назад заявился в уголовный розыск, а вот заговорил наставник, и Бережной вновь почувствовал себя несмышленишем. Большую роль опыта и авторитета в отношениях между людьми никто не отменял.

– Именно так.

– Знаешь, Ефим, я вот вспоминаю, что перед самой войной была такая жестокая банда «Два туза». Она из одной молодежи состояла. Самому старшему было двадцать пять лет. Когда ты об этом сказал, так я буквально даже поежился. Вот только действовали они не в Москве, а в области: в Волоколамске, Орехово-Зуеве, Коломне, Можайске. В общем, география у них была обширная. Вот мне и поручили возглавить группу по их поимке.

– Вы об этом не рассказывали, – произнес майор Береж-

ной.

Александр Федорович невольно усмехнулся и проговорил:

– А ты думаешь, у нас в уголовном розыске тайн нет? Эта банда в страхе все Подмосковье держала. После каждого дела эти ребята на месте преступления оставляли два туза, именно пиковый и бубновый.

– Почему они так поступали?

– Считали, что эти масти приносят им удачу.

– Поэтому их так и называли, «Два туза»?

– Да, как раз поэтому. Если же разбираться всерьез, то блатные считают, что туз – это всегда наивысший фарт! Бубны – цвет крови. Там, где большая удача, без нее никак не обойтись. Крови может быть пролито много. Так что они прекрасно знали, на что шли.

– Сколько человек было в этой банде?

– Основных персонажей было четверо. На какие-то разовые дела они привлекали и других людей. Мы их потом всех взяли. Главарем банды был Яков Шамардов с погонялом Шаман. Видный был парень, высокий, голубоглазый. Посмотришь на него, прямо настоящий херувим! Но банду держал в своих руках так крепко, что никто даже пикнуть не смел. Вторым у них был Егор Калашников, или просто Калаш. Он был у Шамана чем-то вроде заместителя. Третьим в их банде являлся Корнил Авдеев, прозвище, конечно же, Авдей. Четвертый – Алексей Меркушин с погонялом Меркуша. Они

знали друг друга еще по прежним делам, в местах заключения сидели вместе, угодили туда за воровство. Сроки у них были непродолжительные. Потом, когда откинулись, организовали свою банду. Я вот тебе о них рассказываю, а у меня при одном только воспоминании об этой банде кровь в жилах стынет. Самые настоящие садисты и убийцы! Мразь, одним словом. По мне, таких тварей нужно просто без суда и следствия расстреливать. Глядишь, воздух чище был бы. Грабили они исключительно людей зажиточных. Чаще всего это были ювелиры, коллекционеры оружия и старинных орденов. Дело очень прибыльным было. Вокруг них всегда целый клубок марух увивался. Некоторые из них прекрасно знали, чем занимаются их ухажеры. Так что все эти барышни получили реальные сроки. С ними была еще подруга Шамана: он ее у своего дружка Калаша забрал. Тот даже не пикнул, вот как боялся! Красивая девка была. В самый последний момент, когда банду уже брали, ей как-то ускользнуть удалось. Пытались мы ее отыскать, но она где-то в Сибири затерялась.

– Как вам удалось на них выйти?

– Среди скупщиков наш человек был, на вокзале в буфете работал. Они ему барахлишко передавали, в этот самый момент мы их и повязали. Не все эпизоды нам удалось им предъявить, но даже того, что имелось, было вполне достаточно, хватило на большие сроки.

– Так их расстреляли?

– Нет, не расстреляли. Не знаю, что там произошло, может, случился какой-то сбой в системе или же им удалось кого-то подкупить, но отправились они все вместе в лагерь с особым режимом, который находится где-то под Нарьян-Маром. Там содержались такие личности, которых уже не перевоспитаешь. Все четверо пребывали на особом учете. На личном деле каждого из них стояла красная полоса, обозначающая, что этот субъект склонен к побегу.

– Они действительно пытались бежать?

– Было такое дело. Они умудрились опрокинуть вагон во время движения состава и бросились в бега!

– Как им удалось это сделать?

– Методика отработана. Все заключенные, находящиеся в вагоне, дружно перебегают с одной его стороны на другую. Он постепенно раскачивается, потом не выдерживает, падает и тащит за собой остальные, а поезд сходит с рельсов.

– Так они же все погибнут, – удивленно проговорил майор.

– Рецидивистам, которые находятся в вагоне, терять уже нечего. У них такие огромные сроки, что им без разницы, где погибать: в тундре во время побега или в бараке. А тут хотя бы остается крошечный шанс на волю вырваться.

– И что потом с ними произошло?

– Раскачали они вагон, он перевернулся, поезд сошел с рельсов. Десятка полтора эков погибли на месте. Еще столько же крепко покалечились, а вот остальные ударились в бе-

га. Три дня их по тайге отлавливали. Но там, где они были, особенно-то и не побегаешь. Кругом безлюдно, сплошная топь, тучи комаров! А дело поздней осенью было, холодно уже. Так что одних отловили, а других пристрелили: никто не ушел. Последними были пойманы Калаш с Шаманом. Вот с тех самых пор на их личных делах и появились красные полосы. Но на этом история не закончилась. Им все-таки удалось бежать.

– Это каким же образом? – осведомился Бережной, изрядно удивленный.

– А вот послушай. Вокруг исправительно-трудового лагеря, куда ни глянь, одна тундра, бежать некуда. Весь лагерь огорожен колючей проволокой, за которой глухой дощатый забор, дальше третий пояс – запретка! Шагнешь за нее и тут же получишь пулю в голову! В зоне мощное освещение. На столбах лампы-пятисотки, на вышках по углам установлены мощные прожекторы. А еще с каждой стороны барака на высоченных столбах тоже лампы висят. Ни одного шанса на побег! И вот вдруг все четверо неожиданно сознаются в убийстве сторожа в Москве и еще в трех дерзких ограблениях в Подмосковье. Решено было конвоировать их в Воркуту для проведения дознания. На промежуточной станции в Инте им удалось бежать. Они захватили с собой табельное оружие, отобранное у конвойных. Каким-то чудом уголовники смогли вырваться из Воркуты и добраться до Москвы. А дальше пошло все то же самое: ограбления, убийства, насилия. Рабо-

тали они чисто, следов не оставляли, но у нас были информаторы, сообщавшие нам об их подвигах. Только одних ограблений два десятка наберется, да еще пять убийств. К тому времени мы уже знали круг их общения, за каждым из них установили наблюдение. Тут Шаман как будто почувствовал, что мы на него удавку собираемся накинуть, хотел вновь зайти. Однако информатор сообщил нам, что он нередко навещает к одной молодой женщине. Проследили мы за ней и выяснили – точно он!

Часть вторая

Рассказ отставника

Глава 6

Встреча с осведомителем

Июнь 1938 года

Со своими осведомителями майор Рогов встречался на конспиративной квартире. Ни соседи по лестничной площадке, ни участковый даже не подозревали, что седой мужчина в возрасте является сотрудником уголовного розыска. Немолодая соседка с верхнего этажа не однажды зазывала его на чаепитие и делала вполне конкретные намеки на то, что он может переселиться к ней. Она не догадывалась, что Александр Федорович имеет служебную квартиру в Москве, где проживает вместе с женой и двумя дочерьми.

Пожилой степенный участковый с орденом Красного Знамени на вылинявшем френче как-то заприметил его выходящим из подъезда, припустил в голос толику суровости и велел сообщать ему обо всем противозаконном, что происходит в подъезде. Он выдержал некоторую паузу и добавил, что если Рогов будет исправно исполнять свой гражданский долг, то в конце месяца получит поощрение в виде билета

в театр.

Александр Федорович кое-как сдержал улыбку и пообещал участковому подумать об этом.

В этот раз на конспиративную квартиру должен был подойти карманник Савелий Лопотков с погонялом Лапоть. Этому весьма виртуозному малому с длинными искусными пальцами пристало бы работать факиром в цирке, однако он выбрал куда более прибыльную профессию. Завербовал его Рогов три года назад, когда поймал за руку в переполненном трамвае. После короткой и содержательной беседы с опытным оперативником, состоящей из смеси убеждения и запугивания, Савелий решил сделаться тайным осведомителем.

Лапоть оказался не без способностей. Уже через несколько дней пошли первые ощутимые результаты. С его помощью были раскрыты матерый домушник, промышлявший в Москве на протяжении последних пяти лет, целая шайка карманных воров и залетный уличный грабитель, на счету которого было два десятка эпизодов.

В какой-то момент Савелию понравилось то, чем он теперь занимался. Но еще больше полюбилась ему тайная власть над людьми. Неожиданным образом в нем раскрылись способности, о которых он ранее не подозревал. Этот парень умел быть внимательным слушателем, желал своему собеседнику именно того, что тому хотелось. У всякого человека, который с ним общался, невольно складывалось впечатление, что он отыскивал родственную душу.

Вскоре из осведомителя, работающего на общественных началах, Лопотков перешел в штат. Теперь он получал за свои сведения весьма неплохое довольствие, что только прибавило его деятельности дополнительной активности.

Савелию Лопоткову нравился риск. Он просто хмелел от адреналина и без конца повышал ставку в своей двойной жизни. Информатор частенько размышлял о своем разоблачении, четко осознавал, что когда-нибудь это случится, и тогда ему придет конец. Но это будет впереди, а сейчас Лопотков просто наслаждался жизнью, превратившейся в увлекательное, очень опасное приключение.

Майор Рогов едва поставил на плитку чайник, как прозвенел дверной звонок. Он открыл створку и увидел улыбающегося Лаптя.

– В гостипустишь, гражданин начальник, или мне так и топтаться в коридоре? – осведомился тот.

– Проходи, – сказал Александр Федорович, отступил в сторону, пропуская Савелия, посмотрел на лестничную площадку – не следит ли кто? – и только после этого аккуратно прикрыл дверь.

– Что тут сказать!.. Ну никак не может обойтись без меня Московский уголовный розыск. Лаптя ему подавай!

Этот вертлявый, говорливый, гибкий тип опустил на стул и в ожидании посмотрел на майора Рогова.

– О Якове Шамардове что-нибудь слышал? – спросил Александр.

– Ах, вот оно что. Тузами, стало быть, интересуетесь. Вот только кто же так гостей встречает, гражданин начальник? Вы бы меня сначала приветили, чайком напоили, колбаску нарезали, а уже потом и вопросы разные задавали.

Майор Рогов посмотрел на чайник, стоявший на примусе. Вода в нем уже гулко шумела.

– Потерпи минуту, сейчас вскипит, – сказал майор.

При контактах с осведомителями существуют определенные правила, нарушать которые не следует ни при каких обстоятельствах. К этому человеку нужно относиться уважительно и никогда не показывать неприязни, даже если он тебе крайне несимпатичен. Хочет закурить, будь добр, предложи ему папироску и огонек, захотел чайку, не поскупись на заварку и сахарок. Риск вызывает уважение, а такие люди, как Лапоть, – товар штучный.

Конечно, между оперативником и осведомителем всегда должна присутствовать дистанция, сокращать которую непозволительно. Агент должен четко усвоить, от кого зависит его судьба, а потому всякое братание следует пресекать на корню.

– Угощением могу побаловать, – проговорил майор Рогов и потянулся за холщовой белой сумкой, в которой у него лежали полбуханки черного хлеба и шматок хорошо просоленного сала с прослойками мяса.

Он аккуратно нарезал хлеб на длинные куски, сало настругал тонкими ломтиками и заявил:

– Угощайся. Сало нежное, само во рту тает. Так что пойдет впрок.

На примусе забулькал чайник, потребовал повышенного внимания к себе. Рогов положил в кружки по ложке заварки, и залил ее крутым кипятком и подсказал:

– Сахар в вазочке.

– Понял, – охотно отозвался Савелий, отхлебнул горячего крепкого чая и проговорил: – Слышал я, что Шаман в Москве, вот только сам его не видел.

Лапоть уже приговорил два куска хлеба и потянулся к третьему. Он положил на него тонкие ломтики сала и принялся картинно жевать. Савелий даже не лакомился, а священнодействовал, усиленно работал челюстями и от наслаждения закрывал глаза.

– Каков аромат! Прямо на всю комнату!.. Рисковый он, этот Шаман. Ему бы затихариться где-нибудь в медвежьем углу после побега, а он в Москву поперся. Тут патрули на каждом шагу, а этот шальной ничего не боится. Без тормозов совсем! По жизни Шаман вообще фартовый. Всегда при деньгах, и красивые бабы вокруг него постоянно увиваются. Вот только непонятно, как он по Москве ходит. Я пока сюда дотопал, меня два раза патруль прошманал. Наверное, у него документы хорошие. Сейчас в Москве есть такие мастера, которые за хорошие хрусты какой угодно паспорт сварганят. Лучше, чем настоящий!

– Ты мне вот что скажи. Как его взять? Какие у него при-

вычки, пристрастия, что он любит, где бывает? – принялся перечислять Рогов.

– Яша из тех людей, которые никого не любят, – отвечал Лапоть. – Для него человек – расходный материал, пришить его – это как разок сморкнуться. Он обожает карты, азарт, чтобы нервы себе пощекотать. Играет всегда по-крупному, мелочиться не желает. Не в его характере. Тут мне рассказывали, что пару дней назад он появился в один катран на Марьиной Роще и за полчаса спустил пятьдесят тысяч.

– Немало, – сказал Рогов.

– Отыгаться захотел. Золотое кольцо с изумрудом с клеймом Фаберже снял со среднего пальца и на кон поставил. Красивая такая вещица, один камень с лесной орех будет. – В голосе Лаптя слышались завистливые нотки.

– Так отыгрался он?

– Сначала вроде бы ему фарт попер, а потом опять все спустил, – ответил Лапоть и махнул рукой.

– Он там часто появляется?

– За последнюю неделю два раза был.

Сало с хлебом пошло хорошо. По комнате разошелся пряный чесночный дух.

– Что собой представляет хозяин катрана?

– Это Витька Башка. Он человек непростой, с принципами. На его катране особенно не побалуешь. Если что не по нему, так у него силы хватит, чтобы самостоятельно взашей вытолкать, а то и голову открутить.

– Кем он был раньше?

– Домушником. Сейчас вот катран держит. Тоже деньги хорошие срубает, от каждой ставки ему в копилку четверть идет.

– Это ты про Витьку Голованова говоришь?

– Он самый. Знакомый?..

– Мой крестник. Это ведь я его на первый срок закрыл.

– Он обид не забывает.

– Виделись мы с ним недавно, – с усмешкой сказал Александр Федорович. – Он мне сказал, что зла на меня не держит, согласился, что за дело был взят. Ты верно говоришь. К нему просто так не подкатишь. Как у тебя с ним? Не в корешах?

Чай был допит, хлеб и сало подъедены. На столе осталась только россыпь пористых крошек.

Настроение у Лаптя заметно улучшилось. Похоже было на то, что он настроился на обстоятельный разговор.

Савелий откинулся на спинку стула, закурил, пустил тугую струйку дыма в потолок и проговорил:

– Нет у него корешей. Башка не из тех людей, которые их имеют. Он один на льдине! Сам себе хозяин. Но о чем-то попросить его я могу, он меня уважит. Я ему хорошую копейку с банка оставляю.

– Мне нужно, чтобы ты рекомендовал ему одного человека. Пусть он тоже поиграет с вами в картишки, осмотрится, прикинет, что там к чему. Его в Москве никто не знает.

Сам понимаешь, развлечений сейчас немного, а тут он хоть в картишки перекинется, познакомится с кем-то. А то я смотрю на него, все смурной ходит. – Майор улыбнулся и добавил: – Жалко мне человека.

– Все шуткуешь, гражданин начальник, – заявил Савелий. – Поговорю. Вот как раз завтра большая игра состоится. Может, и Шаман подойдет.

– Во сколько игра будет?

– Часиков в восемь и начнем.

– Давай сделаем так. Приходи сюда завтра в семь. Мой человек тебя здесь будет ждать. Потом потопаете вместе на хату. Представишь его катранщику, как оно и положено.

– И что я ему скажу?

– А он у тебя допытываться, что ли, будет?

– Витька Башка – человек сложный. Он может спросить о чем угодно, – заявил Савелий. – Если не по нему что, так тут же выпотрошит!

Майор Рогов задумался. Риск был серьезный.

– Чаю еще будешь? – осведомился он, поднимаясь.

– Можно еще с полкружки, – согласился Лапоть и черпнул из вазочки две ложки сахара. – Вот только жалко, что сало закончилось.

– Все хорошее всегда быстро заканчивается, – с усмешкой проговорил Александр Федорович. – В том числе жизнь. Так что цепляться за нее особенно не нужно.

Где-то за окошком прозвучал милицейский свисток, сле-

дом за ним послышался далекий окрик, а потом все стихло. Город понемногу погружался в сумерки.

– А скажешь ты ему вот что. Это твой задушевный кореш, в котором ты души не чаешь. Он очень надежен. Вы вместе провернули уже не одно выгодное дельце.

– А если катранщик начнет расспрашивать?

– Соврешь что-нибудь, тебе это не впервой. Сделай так, чтобы он принял этого человека за своего.

– Если он не блатной, так его Башка враз раскусит!

– Ты не переживай, – сказал майор Рогов и улыбнулся. – Увидишь его и сам все поймешь.

– Если так, то сделаю, – пообещал Лапоть и встал. – Все, пойду я. Еще не хватало, чтобы меня закрыли. В последнее время милиция почему-то особенно зверствует. В прошлом году такого не было.

– Оружие с собой не носи. Иначе даже я не смогу тебе помочь.

– Я все понимаю, гражданин начальник. Почапал я!

Едва Савелий вышел из квартиры, как вновь прозвенел звонок.

Открыв дверь, майор Рогов увидел соседку с верхнего этажа, смущенно топтавшуюся на пороге.

– А у вас случайно не найдется для меня немного соли? – произнесла она, показав ровный ряд зубов, слегка пожелтевших у самых десен.

С прямой спиной, высокой грудью, статная, в туфлях на

высоких каблуках, в шелковом темно-синем платье, с длинными распущенными волосами, спадающими на плечи, она выглядела весьма эффектно. Такой наряд больше походил для похода в театр, нежели для того, чтобы заглянуть к соседу за солью.

Это беда! С этим следовало что-то делать. Не менять же конспиративную квартиру только потому, что его стала домогаться соседка. Скажешь кому о таком на службе, так сотрудники просто на смех поднимут! Этой молодежи только дай повод позубоскалить.

В какой-то момент Александр Федорович едва не поддался раздражению, но тут же добродушно улыбнулся, – благо-разумие взяло верх. Никогда не следует ссориться с женщинами и соседями. Нарушать сразу две заповеди – это уже перебор!

– Вы такая нарядная.

– Хотела вас сразить наповал.

– У вас это получилось. Вы просто снайпер! Я не просто сражен, а разгромлен как шведы под Полтавой!

Женщина весело рассмеялась. Все-таки в ней присутствовало что-то такое, что заставляло смотреть на нее с открытым интересом.

– Вы такой шутник!

– Вы находите? – Рогов убрал улыбку.

Лицо его приняло печальное выражение.

Он скорбно, как если бы сообщал трагическую весть, про-

изнес:

– Знаете, у меня вся соль закончилась.

Женщина продолжала смеяться.

Она явно рассчитывала на продолжение шутки, а когда поняла, что оно не последует, разочарованно передернула плечами и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.